

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Владислав МОРОЗОВ

ОХОТНИК НА ПОПАДАНЦЕВ

Военно-историческая фантастика

Владислав Морозов

Охотник на попаданцев

«Махров»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Морозов В. Ю.

Охотник на попаданцев / В. Ю. Морозов — «Махров»,
2019 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-101105-5

Продолжение романа «Охотник на вундерваффе». Наш современник Андрей Черников уже успел приобрести опыт перемещения во времени, отвоевав четыре года на Великой Отечественной войне. Однако теперь ему предстоит новое и куда более сложное задание. Необходимо найти и уничтожить трех «темпонавтов», которые отправились из 24-го века в 1953 год и устроили там Третью мировую войну с полномасштабным использованием ядерного оружия. Человечество смогло пережить апокалипсис и даже не одичало, но при этом образовалась новая, альтернативная реальность, где армии Советского Союза захватили всю Европу, включая Англию. Под видом сотрудника спецслужб ОВД (Организации стран Варшавского Договора) Черников облетит полмира, побывав на полях битв отгремевшей войны, и станет свидетелем новой победы социалистического блока.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101105-5

© Морозов В. Ю., 2019
© Махров, 2019

Содержание

Начальное лирическое отступление	6
История 1	21
История 2	53
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Владислав Юрьевич Морозов

Охотник на попаданцев

© Морозов В. Ю., 2019

© ООО «Издательство «Яуза», 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Начальное лирическое отступление

Задача с тремя известными

Наше время. 23 февраля 20... года. Парк Победы в г. Краснобельске. Урал. Россия.

Ждать следующего раза, то есть момента, когда пресловутая «труба» наконец «позовёт», мне пришлось довольно долго. Не скажу, что отходняк после Великой Отечественной был слишком уж жёстким (по крайней мере на продолжительное «расширение сознания» с помощью алкоголя и иных, более убойных препаратов и жидкостей меня так и не пробило), но тем не менее...

Мне в своё время о чём-то подобном рассказывал один знакомый, преждевременно умерший из-за отказа почек (по извечной российской причине) мужичок, отслуживший срочную в самом начале афганской войны – ты где-то у чёрта на куличках (а конкретно в Регистане, чьи злые пески буквально изгрызали лопадки вертолётных турбин и надёжно скрывали следы и своих БТРов, и чужих, тойотовских пикапов), два года караулишь и уничтожаешь душманские караваны, а навоевавшись до одури и вернувшись домой, с удивлением обнаруживаешь, что про войну, с которой ты только что пришёл, никто вообще ничего не знает. Вся информация о ней проходит исключительно по категории «страшных сказок», в газетах пишут исключительно про надои и тонны чугуна сверх плана, и нацеплять на пиджак полученную за вполне реальные боевые действия медаль сразу становится как-то неудобно.

Хотя, наверное, моему знакомому было тяжелее, чем мне – он-то в том духовитом Афгане воевал вовсе даже не в одиночку (там, как нам хорошо известно, было довольно многолюдно), и мир, в который он тогда вернулся, не катился к краю пропасти столь стремительно, как наш. Точнее сказать, катился-то он всегда, только с разной скоростью. Однако та пропасть не была «окончательной», и жившие тогда в СССР люди об этом не догадывались.

Сейчас-то всё куда как «веселее». В конце концов, ведь в 1980-е за океаном не считали возможным говорить о применении ядерного оружия не по необходимости, а там и тогда, где им только вздумается и по любому, даже самому надуманному, поводу и не признавали высшим приоритетом первый удар по городам, чтобы «слабое российское здравоохранение захлебнулось от избытка убитых и раненых». По-моему, подобного наши «потенциальные противники» не позволяли себе даже в лихие времена Карибского кризиса.

В общем, примерно через месяц после моего прошлого возвращения с полей Второй мировой (где я много чего накуролесил ради спасения родной реальности, сам того не ведая), когда я наконец избавился от фронтовой привычки спать в момент любого затишья где попало, полностью или частично одетым и вскакивать, лихорадочно нашаривая при этом отсутствующий пистолет или автомат, от малейшего ночного шороха, симпатичная «женщина-особист» из будущего с ядовитым Ф.И.О. Анна Гифт, которую я, для пушшего удобства, продолжал звать просто Блондинкой, наконец возникла передо мной снова.

Как я понял, являлась она мне опять в виде голограммы и про себя, свои будущие времена и загадочную «контору», в которой она там служит, моя знакомая ничего нового не сообщила, хотя я и ждал этого. Более того, все мои давно накопившиеся уточняющие вопросы она отмела практически с порога, и в итоге я всё так же слабо представлял, кто такие «Бродяги» и как их перемещениями во времени можно управлять. Не прояснился и вопрос о перемещениях во времени как таковых и принципах этого самого перемещения.

Блондинка сразу же дала понять, что всё это не моего ума дело.

Спорить с ней было бесполезно – ведь голограмму не получится схватить за горло и задуть или завалить на диван, а она в отместку может просто больше не появиться, предоставив

мне возможность всю оставшуюся жизнь в отчаянии биться головой о стенку, сокрушаясь по поводу утраченных разом возможностей.

При этом она вполне официальным тоном сообщила, что новая моя миссия уже не за горами, и порекомендовала мне для начала немного подучить (хотя бы на уровне пресловутого «допроса военнопленного») европейские языки, включая французский и португальский, а также дополнительно попрактиковаться в стрельбе и управлении транспортными средствами, вплоть до самолёта.

Ну, положим, пострелять в наше время особой проблемы не составляет, особенно если иметь знакомых или приятелей, так или иначе связанных с силовыми структурами и имеющих некий «пунктик» по части охоты и коллекционирования различной «стрелковки». С последним предложением обстояло несколько сложнее, но и это удалось осуществить, во всё той же местной, частно-аэроклубовской лавочке во Вторпятово, где за деньги давали уроки элементарного пилотирования на Як-52, Злине «Тренере» и всяких там легкомоторных «Цесснах» и мини-автожирах.

Это было весьма полезно, поскольку до этого меня во время разных мотаний по «горячим точкам» немного поучили полётам на Ми-8 (исключительно вследствие случившегося по пьяному делу проигранного спора и, разумеется, без малейших намёков на теорию) – в случае, если сильно приспичит, я, наверное, смог бы завести движки такого вертолёт, взлететь, долететь куда-нибудь (не очень высоко и далеко, чисто по визуальным ориентирам и, разумеется при условии знания местности, где всё происходит) и с грехом пополам сесть. Правда, эти относительные умения касались старых вариантов «восьмёрки», а не каких-нибудь Ми-171 или Ми-8АМТШ с их дисплеями вместо аналоговых приборов.

Аналогичным образом меня во время недавней «командировки» на Вторую мировую как-то раз «провезли» и на У-2 (был один такой момент, когда мы застряли на промежуточном аэродроме по пути на фронт).

Однако и того и другого было откровенно маловато (да и откуда во времена Второй мировой или после неё возьмётся «восьмёрка»?) с точки зрения обретения каких-то пилотских навыков. Так или иначе этот вопрос я решил. Ну, то есть как решил – частным порядком сейчас могут научить заводить самолёт, взлетать, летать по кругу с минимумом эволюций (высший пилотаж и обучение ему – это уже вещь, требующая более серьёзного допуска, в том числе по здоровью, и куда больших денежных сумм), отлететь километров на двадцать от места старта и вернуться обратно и прочее, примерно в том же духе. Короче говоря, Чкаловым или Линдбергом с такой подготовкой по-любому не станешь и через Атлантику либо Северный полюс точно не перелетишь. Так что пилотом я себя мог считать только очень условно.

Хорошо, что кое-какие средства на подобные «забавы» у меня всё-таки нашлись. Трофеи моего прошлого похода мои наниматели у меня не отобрали (я про это специально первым делом спросил у Блондинки и получил милостивое разрешение оставить означенное имущество себе), и револьвер системы «Наган» вкуче с «Люгером» были немедленно проданы мной знакомым собирателям подобных раритетов. Дело, конечно, получалось вполне подсудное, но что делать – сейчас при наличии желания буквально на любого человека можно найти статью в уголовном кодексе. Времена такие.

Ну а осенью, когда я уже достаточно интенсивно готовился по всем ранее перечисленным ею пунктам (а ведь при этом надо было ещё и работать по привычной журналистской части и на что-то жить – пить-есть необходимо во все времена), Блондинка появилась вторично.

На этот раз она дала кое-какие, чуть более конкретные объяснения насчёт сути нового «боевого задания».

Получалось, что мне предстояло идти в ту самую «альтернативку», которую я «зацепил краешком» в прошлый раз, в исторический момент передачи заказчикам тела главгада. А это,

между прочим, был мир, где в 1955 году произошла ни много ни мало Третья мировая война. Ядерная, но тем не менее какая-то специфическая.

Образовалась эта «альтернативка», как это обычно бывает в таких случаях, исключительно по недосмотру, или, как сказали бы раньше, по халатности. Группа неких сильно озабоченных (как это обычно бывает, особенно у считающих себя образованными богатеньких балбесов) несовпадением окружающей реальности с собственными внутренними ожиданиями горе-попаданцев в очередной раз вознамерилась изменить ход истории путём радикального воздействия на прошлое. Похоже, в этом их будущем после разработки агрегатов для перемещения во времени это связанное с тяжкой мозговой ущербностью заболевание, в наше время выплёскивающееся разве что на страницы книжек и блогов, начало собирать обильный урожай из вполне реальных жертв. При этом насчёт возможных последствий этих горе-попаданцев никто, разумеется, не догадался предупредить.

О сути их «наполеоновских» планов, как и об общей картине этого альтернативного мира, мне, увы, сообщили только тезисно, самые общие сведения.

Я так понял, что это невзначай возникшее ответвление реальности мои загадочные работодатели изучали как-то не слишком охотно.

Как мне объяснили, главный замысел тех идиотов-прошлоходцев состоял в том, чтобы весной 1953 года, сразу после смерти И.В. Сталина, западный мир во главе с американцами немедленно начал широкомасштабную войну против СССР и стран «коммунистического блока». Видимо, горе-попаданцы были недостаточно подкованы по части прикладной исторической науки (или в далёком будущем книги и учебники на эту тему тоже были, мягко говоря, своеобразными?), поскольку искренне полагали, что «тюрьма народов» в лице Советского Союза в тот момент находилась не в самой лучшей форме, как в военном, так и в политическом плане.

А раз так – если тогдашний СССР вовремя толкнуть посильнее с внешней стороны, он быстро потерпит поражение в войне и перестанет существовать. Оголодавший народ вкупе с освобождёнными узниками ГУЛАГа и диссидентами немедленно восстанет и сбросит «палаческую власть коммунистов», после чего на одной шестой части суши будет тишь, гладь и божья благодать. А там как знать – вдруг таки и не случится той глобальной Третьей мировой, которая нашему миру ещё предстоит?

Сечь там, в будущем, надо было подобных двоечников как сидорову козу, если не розгами, то каким-нибудь новомодным энергоремнём с нанопряжкой. Лично я за свою не слишком длинную жизнь подобные, мягко говоря, неоригинальные утверждения, только немного другими словами и из разных уст, слышал десятки раз и, более того, даже был свидетелем нескольких попыток осуществления подобных «гениальных планов» на государственном уровне. Как все помнят, их результаты не впечатлили никого. Разумеется, кроме тех, кто успел вовремя набить карманы и свинтить куда подальше. Да и тем из числа набивших карманы, кто всё ещё жив, нынче уже не шибко весело, поскольку в стольном городе Нерезиновске над Темзой (то есть Лондоне) с них вдруг начали требовать подробной информации о происхождении средств на банковских счетах (сочтут состояние криминальным – без вопросов отождумут в британскую казну), из-за чего кое-кто даже засобирался обратно.

В информации, которой меня снабдила Блондинка, зияли чудовищные информационные прогалы и дыры – это был даже не школьный учебник истории той самой альтернативной реальности, а что-то вроде хаотичных выписок из различных оперативных документов, не особенно вдумчиво и аккуратно сваленных в одну папку.

Короче говоря, я так и не понял, как эти самые горе-попаданцы умудрились проникнуть в высшие сферы американской политики начала 1950-х (интересно, кто такое вообще допустил, хотя, в конце концов, это действительно не моего ума дело), да не просто проникнуть, а ещё и убедить некими, по-видимому, очень убедительно выглядевшими словами и аргументами

тогдашнего президента США Д. Эйзенхауэра вкупе с высшим заокеанским генералитетом в своей безусловной правоте.

Как бы там ни было, в конце апреля 1953 г. американцы неожиданно прервали шедшие в Пханьмунчжоме переговоры о перемирии, и летом того же года так называемые «Силы ООН» начали новое, широкомасштабное наступление в Корею. Они даже ненадолго заняли Пхеньян и пытались продвинуться севернее, но в ноябре 1953 г. китайско-северокорейские войска опять погнали американцев и их союзников назад, к 38-й параллели.

О дальнейшем я мог судить только по двум любезно предоставленным Блондинкой относительно крупномасштабным картам мира, напечатанным на очень тонкой бумаге типографским способом (ну или на хорошем принтере), возможно, специально для меня. Кстати, тот факт, что мои «кураторы» не предоставляли мне информацию в электронном виде, на каких-нибудь привычных нам носителях, наталкивал на некоторые размышления – либо они действительно капитально зашифровались и секретились, либо у них там что-то очень серьёзное произошло с информационной сферой в целом, вследствие чего их электроника действительно могла базироваться на каких-то иных принципах, похоже, категорически не совместимых с нашим «железом».

На первой из карт были отмечены все последующие ядерные удары той войны, с указанием радиусов поражения (этакие кружки на карте мира, цвет которых колебался от бледно-оранжевого до багрово-красного, в зависимости от силы конкретного взрыва), мощности боезаряда, даты и указанием на страну, применившую данный боезаряд.

В общем, в декабре 1953 г. американцы применили два десятка тактических ядерных боеприпасов по всей линии корейского фронта (кружки радиусов поражения небольших атомных бомб мощностью 10–100 килотонн буквально наслаивались один на другой), а также по и без того давным-давно разрушенным Пхеньяну, Хамхыну и Хыннаму.

А дальше закономерно пошла цепная реакция. Китайские ВВС сбросили атомные бомбы аналогичной мощности на Сеул, Инчхон, Кванчжу, Тэгу и Пусан. Насколько я помнил, радиус способного нести ядерные бомбы фронтового бомбардировщика Ил-28 это вполне позволял.

Щедрые американцы, разумеется, не остались в долгу и в феврале 1954 г. сбросили десяток атомных и водородных бомб на Аньдун, Далянь, Шэньян, Харбин, Пекин (на столицу КНР были сброшены два явно водородных «изделия» мощностью 2 мегатонны каждое), Тяньцзинь, Циндао, Фучжоу, Чунцин и ещё десяток военных баз и аэродромов Народно-Освободительной армии КНР. При этом отметки от нескольких атомных взрывов накрывали совершенно пустынные места – бомбардировщики не долетели или были сбиты по дороге?

А месяц спустя янки, явно по просьбе французов, сбросили пять атомных бомб на районы сосредоточения партизан Вьетмина на севере Аннама и Тонкина.

Китайские ВВС ответили какой на сраку и сбросили очередную порцию атомных бомб. Вообще-то, поскольку Китай тогда вообще не имел собственного ядерного оружия и стратегической авиации, а многие цели на этой карте находились далеко за пределами радиуса действия тех же Ил-28, лично у меня возникал ряд закономерных вопросов. Хотя напротив соответствующих отметок ядерных ударов однозначно стояли эмблемы ВВС КНР, а значит, советские союзники поделились с «братским китайским народом» и стратегическими Ту-4 (благо их у нас к тому времени настрогали больше тысячи штук), и соответствующей моменту «кузькиной матерью».

То-то, должно быть, попотели, занимаясь экстренным и массовым переоборудованием стандартных Ту-4 в носители ядерного оружия – ведь в советских ВВС этих самых носителей изначально было всего несколько десятков.

Так или иначе, летом и осенью 1954 г. китайцы сбросили атомные бомбы (ни одна из них не достигала мегатонной мощности) на Тайбэй, Тайчжун, Цзяи, Тайнань и Гаосюн, видимо, на какое-то время сделав остров Тайвань малопригодным для жизни.

Американцы снова ответили в своей обычной манере, сбросив в ноябре 1954 г. атомные и водородные бомбы на Шанхай, Нанкин, Наньин, Куньмин, Ханчжоу и Ляньюнгань и ещё десяток населённых пунктов поменьше.

Китайцы в ответ (только интересно, кто у них в этот момент вообще мог летать, на чём именно и откуда – ведь к этому моменту американцы уже успели разнести большинство действующих китайских аэродромов?) начали новый, 1955 год со сброса атомных бомб на американскую авиабазу Кадена на Окинаве и американские базы в Японии – Ивакуни, Атсуги, Йокота, Йокосука, Мисава, Сасебо.

В том же январе 1955 г. англичане применили два тактических атомных боеприпаса в Малайе против тамошних прокитайских повстанцев.

Ну а в июне 1955 г. аналогичный ужас начался и в Европе, перекинувшись затем на другие регионы планеты. Полной информации о ходе боевых действий у меня, разумеется, не было, спросить было не у кого, а лежащая передо мной карта ядерных ударов сразу же ставила ряд закономерных вопросов.

Хотя, здраво прикинув и посчитав кое-что, я всё понял. Несколько странноватые районы основных, обозначенных на карте (кстати, я её особо не прятал, поскольку родственники и знакомые просто принимали её за какую-то очередную стратегическую игру-альтернативку) атомных бомбёжек объяснялись очень просто.

Это в середине 1970-х обе стороны имели тысячи ракет различного класса с ядерными боеголовками, и элементарный анализ показывал, что при любом раскладе, один раз нажав пресловутую «красную кнопку», противники всё равно успевали запустить друг по другу сотни три межконтинентальных баллистических ракет шахтного базирования. Это не считая подводных лодок и крылатых ракет с кораблей и самолётов. И на каждой МБР была разделяющаяся головная часть с несколькими боеголовками мощностью более 200 килотонн (то есть десяток Хиросим или Нагасаки в одной боеголовке). Как там в любимой песне советско-российских лётчиков дальней авиации – «у меня под крылом пятьдесят Хиросим»?

Ну, а поскольку никакая противоракетная оборона не была способна сбить или хотя бы как-то минимизировать такое количество боеголовок (честно говоря, она этого не может и в данный момент, иначе в Белом доме нажали бы на ту самую кнопку прямо сейчас), подобный расклад (то есть запуск даже десятой части имеющегося арсенала) по-любому ставил крест на нашей цивилизации в принципе и заставлял учёных лихорадочно считать вероятность выживания хоть кого-нибудь в условиях действия таких убойных факторов, как ядерная зима и прочее. Именно поэтому в те самые 1970-е годы и были подписаны многочисленные и основополагающие соглашения о сокращении, неприменении и нераспространении ядерного оружия – самоубийц вроде некоторых нынешних политиков в высоких кабинетах тогда не водилось.

А вот в 1955-м ракеты ещё не были фактором глобального сдерживания, поскольку было их тогда крайне мало и были они весьма ненадёжными, неточными и отнюдь не межконтинентальными.

И раз так, всё очень логично упиралось в радиусы действия тогдашних бомбардировщиков и помехи в лице противостоящей им ПВО.

У американцев новые В-52 в 1955-м только начали поступать на вооружение, так же как и Ту-95 в СССР. В-47 с его дальностью в 3797 км можно было считать «стратегом» очень условно. А раз так, они явно всё ещё использовали уязвимые, даже при условии отсутствия в тогдашней советской ПВО зенитных ракет (а вот сверхзвуковые истребители-перехватчики тогда уже появились), В-36 и В-50, которые ну никак не были способны накрыть всю территорию СССР и Восточной Европы (тем более что Стратегическое Авиационное Командование США явно понесло серьёзные потери во время предшествующих действий против китайцев) сплошной «атомной грибницей».

Судя по этой моей карте, лучше всего у американцев получилось дотянуться до европейской части территории СССР, особенно с юга, а также до приполярных северных областей и Дальнего Востока – всё-таки тут у них поблизости были военные базы с аэродромами подскока и прочее.

У нас в те времена было примерно то же самое. Ту-95 на вооружении было от силы несколько десятков, мясищевские ЗМ вообще только испытывались, а самые массовые Ту-16 имели максимальную дальность до 5925 км и могли достигнуть территории США, даже при условии дозаправки части машин в воздухе, использования каких-то промежуточных аэродромов или кратчайшем маршруте полёта через Северный полюс, только «в один конец», без малейшей возможности вернуться. Старые Ту-4 имели несколько бóльшую дальность, но явно были куда более уязвимыми. Хотя, с другой стороны, при несовершенстве тогдашних радаров обнаружить на подлёте одиночный бомбардировщик было явно непросто. Причём при применении обычных бомб один самолёт особой угрозы не представляет, а вот при наличии на нём атомной или водородной бомбы – вовсе даже наоборот. Так что многое в те времена зависело от случайностей и элементарного везения.

При этом даже сознательно пожертвовавшие собой ради такого великого дела экипажи советских «дальников» всё равно не смогли бы достигнуть центральных континентальных районов территории США.

Правда, здесь на нашей стороне играла география (она заодно с климатом нам вообще во все времена помогает) поскольку все крупные города Соединённых Штатов очень кстати компактно растянуты вдоль восточного, Атлантического, и западного, Тихоокеанского, побережья.

В общем, отметок ядерных ударов на этой карте было много, но всё-таки их оказалось намного меньше, чем можно было ожидать. При этом обе стороны били по городам, промышленным центрам и военным объектам друг друга, в последнем случае явно отдавая приоритет вражеским авиабазам.

Естественно, что район Москвы и области, от Калинина на севере до Коломны и Рязани на юге, на этой невесёлой карте очень напоминал олимпийские кольца. Щедрые американцы явно не пожалели плутония, сбросив на «Главный Мордор Коммунистов» целых пять ядерных боеприпасов, один из которых (самый большой кружок и самый красный на карте) был обозначен как водородная бомба мощностью в 10,5 мегатонны. В нашей реальности заряд подобной мощности американцы испытали на Маршалловых островах в 1954 г.

При этом на Ленинград атомных бомб ими почему-то сброшено не было (чистое везение или всё-таки сильная ПВО?). Далее красными кружками на карте были закрыты район Мурманск – Полярный – Североморск – Алакуртти – Африканда – Луостари (десяток бомб, ещё четыре бомбы легли на пустынные районы Кольского полуострова), Балтийск, Клайпеда, Каунас, Лиепая, Вентспилс, Кобрин, Лида, Барановичи, Мачулиши, Пружаны, Щучин, Витебск, Сеща, Чортков, Луцк, Одесса, Николаев, Херсон.

На Крым ни одной атомной или водородной бомбы, судя по всему, не упало, но в море, километрах в сорока от берега, над Каламитским заливом, как раз где-то между Евпаторией и Севастополем на карте был отмечен взрыв мощностью в одну мегатонну. Судя по всему, американский бомбардировщик и здесь не долетел куда нужно и из-за этого глушанул черноморских бычков и прочую камбалу. Причём, похоже, радикально глушанул – до состояния ухи...

Три боезаряда мегатонной мощности янки уложили на Запорожье и плотину Днепровской ГЭС. Далее красные окружности накрывали Борисполь с Киевом, Васильков, Чернигов, Озёрное, Нежин, Староконстантинов, Чугуев, Коломыю, Краматорск, Узин, Белую Церковь, Миргород, Полтаву, Прилуки. Ну, здесь они явно метили по аэродромам.

На промышленный район Харьков – Днепропетровск – Донецк было сброшено девять атомных и водородных бомб, в том числе две по 5 мегатонн. Затем на карте шли Новороссийск,

Таганрог, Краснодар, Потти, Сухуми, Кутаиси, Тбилиси, Ереван. На район Баку американцы сбросили более двадцати бомб, в том числе одну 10,5-мегатонную, такую же, как на Москву.

Далее на карте почему-то была закрыта красным кружком Караганда, а сброс ещё шести бомб был отмечен в безлюдных районах между Уральском и Чимкентом – бомбардировщики явно шли с юга к промышленным объектам Урала и Сибири, но по какой-то причине почти никто из них не долетел, поскольку там был поражён только Куйбышев.

На Дальнем Востоке красные кружки плотно закрывали Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск, Советскую Гавань, Николаевск-на-Амуре, Владивосток, Находку, Южно-Сахалинск, Корсаков и Петропавловск-Камчатский. На севере под раздачу попали Магадан, Анадырь, Амдерма, Певек и Нарьян-Мар.

Советская сторона тоже не поскупилась на уран-235 – для хороших людей ничего не жалко. Хотя надо признать, что масштабы здесь были более скромными. На территории США цепочка из десятка красно-оранжевых окружностей закрывала Атлантическое побережье от Портленда до Норфолка, причём район Нью-Йорк – Филадельфия закрывал самый большой кружок с отметкой «20 мегатонн» (насколько я помнил, такой заряд у нас разработали к началу 1956 г., он был предтечей «царь-бомбы» в 50 мегатонн, испытанной на Новой Земле в 1961 г.), а район Вашингтон – Балтимор был помечен трёхмегатонной мощностью. Прочие сброшенные на США советские бомбы имели мощность не более 250 килотонн (возможно, это были стандартные для того времени РДС-6 или что-то вроде того).

Далее красные отметки закрывали Детройт, Кливленд, Джэксонвилл, Нью-Орлеан, Хьюстон, Патаксент-Ривер, Ошеану, Райт-Паттерсон, Джонсон, Кап Код, Колумбус, Куантико, Атланту и Пенсаколу.

На тихоокеанском побережье несколько отметок краснели на районах Сиэтла, Портленда, Сан-Франциско, Лос-Анджелеса, Сан-Диего, авиабаз Коронадо, Ваанденберг, Эдвардс, Бриджейпорт и МакКорд.

На Аляске красные окружности поместили Ном, Анкоридж, Фэрбанк и авиабазу Элмендорф.

В Канаде ядерные удары накрыли военные базы Борден, Колд Лейк, Гус Бэй и Гривенвуд.

Любопытно, что в отношении Европы и американцы, и русские почему-то повели себя довольно-таки «по-джентельменски», и крупнейшие тамошние города разрушениям не подверглись.

С десяток круглых отметок от тактического ядерного оружия располагалось по линии границы ГДР и ФРГ. В самой ФРГ был довольно густо накрыт Мюнхен и вообще Бавария, поскольку атомные бомбы были сброшены на американские авиабазы в Эрдинге, Фюрсенфетбрукке, Кауфбойерне, Лангсберге и Нейбиберге. Также был отмечен Хан (опять-таки американская авиабаза) с городом Кирчберг в Сааре, Лек в Шлезвиг-Гольштейне, Кастеллаун у Рейна, Пфальц, Раммштейн, Шпандаглем и Цвейбрюнен с городом Трир. В основном в перечисленных пунктах дислоцировались американские истребители-бомбардировщики, несшие тактическое ядерное оружие и склады этого самого оружия.

В ГДР были поражены Магдебург, Вюнсдорф и город Цоссен, Эберсвальд-Финов и Стендаль.

В Польше – Легница, Вроцлав (на этот город и восточнее его американцами было сброшено три мегатонные бомбы, воронку от одной из них я, похоже, как раз наблюдал во время своего прошлого путешествия), Колобжег и Свентошув – как и в ГДР: здесь совершенно определённо целились по советским базам и штабам.

В Чехословакии были накрыты военный аэродром Жатец и город Пльзень.

В Венгрии – Веспрем и Шопрон, в Румынии – Констанца и Плоешти, в Болгарии – авиабаза и город Толбухин. В Албании – Тирана и порт Влёра.

На территории Франции отметки густо лепились, в основном у германской границы и границы с Бельгией, там, где тогда располагались американские авиабазы. Был закрыт красным кружком город Мец с авиабазой Шамблей, Бусенер, Бордо-Мериньяк, Этайн возле Вердена, Эврё (между Руаном и Парижем), Лан (в 60 км северо-западнее Реймса) и Фальсбург в Мозеле.

В Турции были накрыты Инджерлик с городом Адана и Измир. В Италии – авиабаза Авиано с городом Портденоне и американская военно-морская база Сигонелла на Сицилии.

В Англии отметки располагались на Милденхолле, Мархэме, Скамптоне, Уаддингтоне, Лакенхеате и Йовилтоне. А кроме того, шесть ядерных зарядов приличной мощности (до нескольких мегатонн), почему-то сброшенных американскими ВВС, густо накрывали Лондон с окрестностями, Чатем, Мейдстон, Дувр, Кентерберри и Брайтон.

Вопрос о том, зачем американцы проделали подобный концертный номер на территории вернейшего союзника, имел предельно простой ответ. Если в этой «альтернативке» наши всё-таки форсировали Ла-Манш в его самом узком месте, район высадки должен был располагаться где-то именно там.

В Испании два красных кружка закрывали район Кадиса, где располагались американские авиабаза Морон и база ВМФ США Рота.

В Норвегии одна отметка лежала на американском аэродроме в районе Тронхейма.

В Исландии красным кружком была помечена авиабаза Кефлавик.

Так или иначе, незадетыми при этой «большой раздаче» остались Центральная и Южная Америка, Африка и Индия с Австралией, Новой Зеландией и Антарктидой.

О дальнейшем мне могла немного рассказать вторая карта, которой меня снабдила всё та же Блондинка.

Там был отмечен геополитический расклад в том бредовом мире на начало 1960-х и количество погибших. На Китае, Корее, Тайване и Японии стояла отметка «более 9 млн погибших», на СССР – «5,5 млн погибших», на Европе – «не менее 3 млн погибших», на США и Канаде – «3,8 млн погибших».

При этом Япония, Индонезия, почти вся Европа с Италией, Грецией, Францией, Англией, Ирландией, Норвегией и Испанией (исключая только Португалию), Куба, Сирия, Египет, Тунис, Марокко с частью Ливии, Алжира и Судана, а также Аляска на этой карте были закрашены в розовый «социалистический» цвет, причём для Японии и Северной Африки он был бледно-розовым.

Стало быть, хотя этот мир и понёс немалые жертвы (которые везде, кроме США и Канады, тем не менее, были меньшими, чем во Вторую мировую), жизнь в нём, похоже, не прекратилась, цивилизация не загнулась, и даже внешняя политика сторон особых изменений не претерпела.

Во всяком случае, согласно подsunутым мне Блондинкой кратким справкам ядерные удары прекратились осенью 1956 г., а все прочие боевые действия – в мае 1958-го. 14 июня 1958 г. на встрече в Стокгольме между представителями США и СССР (с нашей стороны там присутствовали также представители КНР и ОВД) было подписано перемирие. Ну а с июня 1959 г. в Сан-Паулу (Бразилия) с перерывами шли переговоры о заключении полноценного мирного договора и последующем послевоенном мироустройстве. А раз было кому и о чём разговаривать, значит, этот странный мир категорически не впал в варварство. В конце концов, ведь те же самые люди всего за десятилетие до этого видели все ужасы Второй мировой, так почему им после этого было не пережить и Третью?

Внимательно изучив всё это, я тут же спросил у Блондинки при очередном её появлении (было это уже зимой, после Нового года, когда её голограмма возникла, словно чёртик из коробочки, прямо в моей квартире, в очень удобный момент, когда я был один, никого не ждал и никуда не собирался) – ну и что с того, в чём здесь вообще-то мулька?

Допустим, тамошние нравы, мода, языки, деньги и прочее в точности соответствуют нашим того же периода, но ведь при всём при этом я совершенно не представляю, к примеру, тамошних политических раскладов. И мне, фактически малограмотному идиоту, с таким вот минимальным набором знаний о той реальности, вот так, запросто, идти и что-то там предотвращать либо брать кого-то за рога и тащить в стойло? Да ещё так, чтобы, упаси боже, не попасть при этом под какой-нибудь ядерный удар, после которого меня неизбежно выкинет обратно? Конечно, такое доверие к моей скромной персоне весьма лестно, но всё-таки почему я, а не какие-нибудь сугубые профессионалы?

И вот здесь Блондинка наконец-то прояснила некоторые принципиальные моменты. Во-первых, идти мне предстояло в 1962 год, то есть во время, когда большая война в той реальности давно закончилась. При этом точка моего выхода была где-то на западе Германии (которая у них там стала сплошной ГДР) у границы с Францией.

Блондинка сказала, что тот же немецкий язык я вполне себе знаю, так что легко сойду за какого-нибудь восточного европейца. Потом она сразу же уточнила, что косить я в том мире буду под словака, долгое время прожившего в СССР, сотрудника одного из отделов объединённой контрразведывательной службы Варшавского договора, занимающегося поиском и поимкой военных преступников.

Я, естественно, спросил: а почему какого-то там словака, а не просто русского? Ведь это получаются те же яйца, только в профиль.

Она ответила на это, что хотя там, по всей Европе, у власти левые или коммунистические правительства и почти всюду стоят советские гарнизоны, русские там мало отличаются от привычных мне стереотипов того периода (то есть, надо полагать, либо ходят повсюду строем под командой офицеров или замполитов, либо большими группами под наблюдением экскурсоводов и строго блюдут пресловутый «облик морале»), и некоторые европейцы всё ещё невольно видят в каждом прибывшем из СССР сотрудника Кей-Джи-Би – книжек в ярких обложках и разных там комиксов про извращённые козни агентов советской разведки и КГБ в 1950-е выходило точно не меньше, чем тридцать лет спустя. В конце концов, первые романы, а за ними и фильмы о незабвенном Джеймсе Бонде появились именно в конце 1950-х. А к восточным европейцам доверия в той же Франции якобы заметно больше.

Я сказал, что, на мой взгляд, всё это полный дурдом, который ничего мне не даст, кроме необходимости лишний раз постоянно и неталантливо врать.

Блондинка, сохраняя поистине олимпийское спокойствие, ответила, что они там у себя на этот счёт имеют иное мнение (в конце концов, им из погребя всегда виднее). При этом отсутствие некоторых важных знаний и воспоминаний мне, видите ли, предстояло объяснять полученной во время войны контузией. Это, мол, самый простой вариант.

Ага, говорю, гуляет по Западной Европе такая вот донельзя подозрительная личность, контуженый словак, который через пень-колоду говорит и понимает на любом из европейских языков, родных словацкого и чешского не знает вообще, но зато при этом слишком хорошо говорит по-русски и вдобавок служит в контрразведке ОВД. Да это для меня примерно то же самое, что написать на лбу три буквы «КГБ» либо облачиться в валенки и красное пальто с изображением серпа и молота на спине и разгуливать в таком вот виде в особо людных местах! Какой дурак воспримет всерьёз подобную, с позволения сказать, «легенду»? Тут даже какой-нибудь большой друг Советского Союза, постоянный подписчик на «Юманите», таскающий в заднем кармане кальсон членский билет французской компартии, засомневается...

Хотя, конечно, как знать. Ведь говорил же в своё время, кажется, доктор Геббельс о том, что чем невероятнее ложь, тем легче в неё поверить. Так что полный идиотизм тут как раз, возможно, сработает...

И вообще, как я сразу же уяснил, моя легенда для этой «заброски» ещё не была до конца слеплена «работодателями» и явно готовилась ими в большой спешке. Если, конечно, вообще готовилась.

Вслед за этим я, естественно, спросил: почему всё должно быть именно так, как они там у себя запланировали? С чего опять вырисовывается именно подобный дурацкий расклад? Ведь где тот равноудалённый от любой госграницы Краснобельск, а где Германия, где 1962-й и где второе десятилетие XXI века? Что, кого-то поближе нельзя было найти? Захудалого немца, француза или, на худой конец, ляха какого-нибудь, а не такого уральского валенка, как я, грешный? Я же в Европе начала 1960-х точно буду смотреться как бурый медведь среди певчих хора баптистской церкви...

Оказалось, что иначе ну никак нельзя. Якобы такие, как я, имеющие некоторый практический опыт и прочее «бродяги» у них там буквально наперечёт, так что заменить им меня любому некем. Поскольку я почему-то лучше всего подхожу для этого по ряду основополагающих параметров (пол, расовая принадлежность, возраст, язык и прочее).

Я это её объяснение проглотил молча и вполне себе смиренно, но сразу же всерьёз задумался: а может, я у них в «конторе» вообще единственный подобный «агент»? Вдруг это у них первый опыт работы с такой категорией граждан и я здесь выступаю в качестве пресловутой собаки Павлова? Как знать, честно говоря, меня это вовсе не удивило бы...

Потом Блондинка объяснила, как смогла, и основную суть моей задачи. Как оказалось, мне вовсе не предстояло предотвращать уже случившийся горький катаклизм. И слава богу, кстати, поскольку я откровенно не представляю, какие именно меры нужно было бы принять, чтобы эта альтернативная реальность «свернулась», придя в норму. Тут как минимум надо было свалиться в Америку 1952 года, прямо накануне прибытия туда этих обалдуев, и обломать им рога и весь праздник жизни – кстати, а почему бы и нет, ведь при наличии пресловутой машины времени точка и время их прибытия должны быть вполне себе локализованы или тут я ошибаюсь? Хотя для подобного меня одного точно будет мало...

Нет, ну его на фиг.

А вообще мне предстояло брать кое-кого вполне конкретного за жабры или ликвидировать объект прямо на месте.

Расклад был примерно такой. Следуя собственному плану, эти самые горе-попаданцы должны были уходить в прошлое двумя группами, по десять человек.

В обоих случаях переходы должны были быть вооружёнными акциями с захватом хроноустановок – по-другому у них там, в будущем, видимо, никак.

Первой группе захват в основном удался, и в прошлое сумело уйти девять человек, одного «безопасники» всё-таки успели захватить живьём, и благодаря его поимке и последующим допросам удалось арестовать всех причастных к этой затее, так что попытка переброски второй группы просто не могла состояться физически.

Уже при перемещении первая группа разделилась. Трое ушли в Америку, в 1952 год. Именно им и удалось как-то повлиять на то самое начало Третьей мировой войны в 1953-м, но при этом они затем погибли и сами, поскольку всё время находились где-то в Вашингтоне и закономерно угодили под один из атомных ударов.

Оставшиеся шесть человек из первой группы отправились в 1956-й или 1957 год и были нацелены на Европу. То есть, надо полагать, эти шли уже «на готовенькое» в расчёте на полный или частичный успех первой тройки.

Однако они не могли знать, что реальность в конечной точке их появления уже изменилась (причём совершенно не в том направлении, какое они ожидали) и их выкинет в столь явную «альтернативку».

К тому же, как выяснилось позднее, один из этих шестерых погиб в сам момент перехода. Оказывается, у них в будущем порой случаются и подобные «недоработки».

Какое-то время оставшиеся пятеро молчали, явно пытаясь обустроиться на месте. Затем в августе 1958 года двое из них, мужик и баба, активировали некий прихваченный с собой «маяк». Судя по всему, по их излишне оптимистичному первоначальному замыслу вторая группа должна была перемещаться, нацелившись именно на его сигнал. Разумеется, никто не мог предупредить их о том, что никакой второй группы более не существует.

Начальники Блондинки как раз очень надеялись именно на этот самый момент, считая, что смогут одним махом накрыть всех пятерых мерзавцев. Ведь никаких других шансов вычислить их, похоже, не было – никакой другой техники, которую можно было бы легко запеленговать, кроме этого «маяка», у горе-попаданцев с собой не было.

Но то ли начальство было глуповатое, то ли прошлоходцы оказались не так уж просты. Во всяком случае, когда на сигнал прибора свалились агенты с «группой силового захвата», возле «маяка» обнаружилось только двое из пятерых, да и тех не удалось взять живыми, как ни старались. К тому же местом активации маяка оказалась какая-то военная база, возле Эль-Хараба в Северной Африке (это, как я понял, километрах в десяти от Танжера, в тамошней «международной зоне», та ещё клоака), где, по словам Блондинки, «было много вооружённых лиц и боевой техники» – горе-попаданцы явно попытались подстраховаться хоть так.

Из-за этого «группа силового захвата» потеряла двух человек и была вынуждена изменить для сокрытия следов своего присутствия и уничтожения тел преступников и «маяка» какой-то, как выразилась Блондинка, «термобарический дезинтегратор».

Таким образом, уничтожив всего двоих, «контора» сама понесла потери, к тому же потратив массу времени, энергии и прочих ценных ресурсов.

Где теперь находились оставшиеся трое из первой группы (два мужика и баба), и «хронобезопасники» точно установить не смогли. Ну а поскольку после уничтожения маяка никаких конкретных зацепок больше не было, руководство наложило категорический запрет на активные действия, приказав заниматься этой альтернативной реальностью только «за счёт внутренних резервов» и, по мере возможности, вести агентурную разработку вопроса – и это при том, что никакой агентуры в этой «альтернативке» у них, судя по всему, не было в принципе.

После этих слов Блондинка передала мне качественные цветные, напечатанные, как и все прочие, доставленные из будущего документы на очень тонкой бумаге с фотографиями этих троих (фас, профиль, полный рост).

Полноватую и в общем симпатичную блондинистую бабу с короткой стрижкой (на вид лет сорока или около того) звали Брит Савнер, молодого горбоносого брюнета с несколько неряшливой причёской – Роберт Норман. А третьего, немолодого, плешивого мужичка с противной физиономией мелкого чиновника, – Хуго Кофоед.

Для себя я отметил, что, судя по ростовым фото, одевались в будущем в целом примерно так же, как и у нас. Женщина на фото была в чём-то типа светло-песочной блузки с короткими рукавами и в узкой юбке до колен того же цвета (насколько я понимаю в женской моде, с тем же успехом это вполне могло быть и какое-нибудь летнее платье) и тёмных туфлях на низком каблучке. Молодой брюнет был одет в нечто вроде серо-зелёного комбеза (или это были облегчающие штаны с короткой курткой?) с большим количеством карманов, а плешивый – во вполне обычном, тёмно-сером с синевой костюме и при галстукке. Единственной очень характерной деталью «из будущего» были какие-то уж очень замысловатые браслеты на левом запястье всех троих, если это, конечно, не был какой-нибудь хитрый монтаж.

Кстати, имена у этой троицы были какие-то ни рыба ни мясо – мне они показались похожими на скандинавские. Ну и фамилии тоже были довольно несуразные. Во всяком случае, графьёв или князей среди них точно не было. Хотя «Кофоед» – это, конечно, звучит круто, практически «Чаехлёб»...

Понятное дело, что о том, как теперь зовут этих «невозвращенцев» и как они могут выглядеть (пластическая хирургия в начале 1960-х уже вполне себе была), можно было только догадываться.

– Ну и что мне это даёт? – спросил я у Блондинки, внимательно изучив фотографии. – Элементарная логика подсказывает мне, что они наверняка давным-давно перекроили физиономии и зарылись как можно глубже, да так, что я их даже с собакой и миноискателем не отыщу. Или вы там у себя всерьёз считаете, что мне сразу по прибытии надо, к примеру, пойти вот с этими фото в тамошнюю полицию, а затем ждать каких-то результатов?

– Опять ты всё упрощаешь, – ответила голограмма Блондинки, почему-то обворожительно улыбаясь (я подозреваю что это был какой-то дефект их хитрой голографической техники, вживую моя собеседница никогда не улыбалась столь много и беспричинно). – Все их приметы и прочее давно сообщены кому надо. И не только полиции и прочим силовым структурам. Более того, за их головы уже назначена вполне конкретная, весомая цена.

– То есть ваша пресловутая «работа за счёт внутренних резервов» состоит в основном в тривиальном найме «охотников за головами»?

– И не только. Нельзя же полагаться на одни только официальные каналы. В данный момент большая предварительная работа уже проведена нашей тамошней агентурой, которая даже не догадывается, что она наша агентура. «Удочки» были закинута в том числе и в их преступный мир...

– Ну да, куда же вы без бандюков и мафии? Ведь мусора всегда в доле...

– Это верно, никуда. Чья бы корова мычала, как у вас говорят, – как будто это не в ваши времена честные полицейские, судьи и прокуроры существуют только в детективных сериалах, но даже там выглядят как-то не очень убедительно! Зачастую преступные элементы действительно способны найти искомое быстрее полиции или даже контрразведки. В общем, по нашим каналам наконец получена информация о том, что один из этих троих известных тебе лиц наконец-то засветился. Зовут его, естественно, по-другому, но вот внешность он, что характерно, не изменил. Все подробности тебе сообщат при встрече...

– Это, конечно, огромное и недопустимое упущение с его стороны. Ну а что потом? Меня выведут прямо на него, и я должен буду его тупо грохнуть, предварительно выведав всю возможную информацию насчёт остальных двух?

– Нет, тут всё несколько сложнее, чем ты думаешь. Безусловно, его надо будет допросить с пристрастием, чтобы потом вычислить, а затем захватить или ликвидировать на месте всю троицу. Но для нас важнее другое. Эти трое имеют некий набор знаний и информации, поскольку в будущем у них был почти неограниченный доступ к различным базам данных...

– И что с того?

– Они не первые и не последние, кто пытается уйти в прошлое с целью его изменения. И нам надо узнать, что именно им известно и за счёт какой именно информации они собирались облегчить себе жизнь в прошлом? Они имели доступ к слишком обширным массивам данных, но что именно из этого они выбрали?

– Ага, то есть ваша «контора» хочет выяснить, какая именно информация из будущего представляет наибольший интерес для «прошлоходцев» и может служить им некоей гарантией безбедного существования? Иными словами, что такого знаете вы из того, чего не знали в середине XX века? А потом вы либо засекретите эти данные, либо начнёте их усиленно контролировать. Сделал некто соответствующий запрос в ваш «главный информаторий» (или как он там у вас по-настоящему называется?), а его тут же – раз, за цугундер и на кичу или как минимум под постоянное наблюдение службы безопасности...

– Да, основные моменты ты понял правильно. Вот только представления о нашей работе у тебя, как обычно, предельно вульгарные. Так или иначе, запомни – перед тем как ликвидировать эти «объекты», их нужно непременно допросить, пусть даже предельно жёстко и с при-

страстием, и постараться ответить на эти вопросы. Это очень нужная информация. Во всех отношениях.

– И на каком именно языке прикажете их допрашивать?

– Расслабься, они все прекрасно понимают по-русски. И если будут утверждать обратное – не верь...

– Допустим. Паяльники в заднице и электроутоги на филейные части при допросах применять разрешается?

– Если не захотят говорить – вообще любые доступные средства для развязывания языка. Можешь их хоть в кислоте растворять. Медленно и по частям...

– А с трупами мне что делать? Ждать вашу «похоронную команду»?

– Слишком много чести для них. Трупы этой троицы следует ликвидировать на месте, причём методом, максимально затрудняющим последующую идентификацию останков.

– То есть?

– В идеале если не кремировать, то хотя бы сжечь...

– Ни хрена же себе заданье... А не слишком ли много вы хотите от моей ничтожной персоны, господа товарищи? Пойти туда, не знаю куда, с предельно неубедительной легендой, фальшивой ксивой и без малейшего прикрытия, да ещё и для того, чтобы устраивать там наглые «тёрки» с местными преступными элементами? Думаете, я бессмертный и яйца у меня титановые? Я, конечно, в 1990-е ещё студентом, было дело, подрабатывал в криминальной хронике и кое-что видел, но я же тогда был начинающим журналистом, а не блатным и не киллером, и как именно вести себя с разными тамошними «Борсалино и компанией», я, честно говоря, не представляю.

– Да, задача не из простых, а что делать? Можно подумать, в прошлый раз тебя останавливали какие-то трудности?

– Так я в прошлый раз просто не понимал, чего делаю! Местами просто плыл по течению, как те три доски по Волге-речке! Психу или тому, кто ничего не ведает, всегда легче...

– Увы, но сейчас у нас не тот случай, чтобы действовать без подготовки и понимать смысл происходящего «по ходу пьесы». И я уже говорила тебе, что наша, как ты её называешь, «контора» и служба безопасности при ней существуют менее двадцати лет. Дел у нас до чёрта, и многое, если не почти всё, приходится делать впервые. Ведь для нас всё только начинается. Ещё совсем недавно у нас в руководстве были в большинстве пацифисты и миролюбцы, искренне полагавшие, что никакая служба безопасности в этой конкретной сфере вообще не будет нужна. Но после нескольких нападений на соответствующие объекты с большими человеческими жертвами они осознали, что, как водится, ошиблись. А эта альтернативная реальность вообще толком не изучена, поскольку эта «тупиковая ветвь истории» у нас вообще никому не интересна. И поэтому могу обрадовать – именно ты будешь нашими глазами там.

– Вы чего – решили из меня ходячую телекамеру сделать? Как обычно, не спросив, согласен ли я? Ну-ну...

– Да расслабься ты, бога ради. На твоё здоровье и прочее эта функция никак не повлияет. И потом, я же тебя про это предупреждаю заранее...

– Доверяете, значит?

– Не без этого.

Описывать дальнейшее в подробностях смысла нет. Если в двух словах – мне было велено на всякий случай подучить чешский и словацкий языки, а непосредственно при переброске не тащить с собой ничего тяжелее смены белья, бритвенных принадлежностей и минимального запаса харчей, ну и одеться как-нибудь попроще. То есть так, чтобы эту одежду не жалко было выбросить (если вспомнить прошлый раз, обратно мне, судя по всему, предстояло вернуться вовсе не в том, в чём я уходил) и она не выделялась в 1962 году.

Здесь, по мнению Блондинки, могла подойти даже, к примеру, старая советская военная форма без знаков различия. Я посчитал этот вариант сомнительным, но ничего не сказал.

Документы и прочие необходимые мне «аксессуары» я должен был забрать в тайнике уже после переброски, после чего идти стрелковым шагом в ближайший городок Кайзерштейн на встречу с теми, кто, по задумке работодателей, должен будет помогать мне в выполнении порученной миссии.

Решили, что уходить на новое задание я буду из парка Победы в родном Краснобельске 23 февраля.

Действительно, это было очень удобно. Во-первых, практически рядом с моим домом, во-вторых, в этот день у слегка полоумной реконструкторской братии там была назначена очередная «баталия» (хотя и куда более скромного масштаба, чем прошлым летом, во Вторпятово, – без техники и при вдвое меньшем числе участников), в которой я собирался поучаствовать, как обычно, в качестве фотографа.

К дополнительным удобствам относилось и место проведения данной «реконструкции», каковым была назначена расположенная ниже Музея Победы (кстати, этот музей замечателен ещё и тем, что вплотную граничит с построенной на месте, где когда-то, очень давно, было «чёртово колесо» обозрения, мечетью, оформленной чуть ли не в стиле модерн), ведущая к реке Белой лыжная трасса.

Когда-то давно здесь был виляющий среди кустов и холмиков естественный спуск, на котором мы катались в младшем школьном возрасте, потом в 1990-е какие-то «новаторы» спрямили склон бульдозером, поставив здесь же подъёмник и халупу «лыжной базы», попытавшись по-лёгкому срубить денег с катающихся с горки зимой, – типичный вариант «бизнеса по-русски».

Эта «зимняя коммерция» не продержалась на плаву и пары лет (с тех самых пор подъёмник не работает и всё больше ржавеет), зато справа от этого лыжного спуска в последующие годы возник ресторан со странным названием «Бугель» (если это заведение названо в честь одноимённого горнолыжного подъёмника, то всё как раз логично, но в развешанной по окрестным столбам рекламе означенного кабака почему-то преобладала морская символика с разными там якорями и парусами – неужели его хозяева настолько тупы, что назвали ресторан в честь «металлического кольца на мачте корабля для крепления чего-либо?»), который в летнее время прованивает весь парк уксусным духом непрожаренных шашлыков и глушит слух гуляющих обывателей напевами «русского шансона».

А вообще зимой там самое то – вокруг бывшей лыжной трассы и ресторана кусты и достаточно густой лес, где никто ни за что не обратит внимания на исчезновение человека, а уж тем более на странно выглядящих придурочных субъектов с бутафорскими волынами, которые будут в этот день шляться по парку и вокруг Музея Победы (а это немаловажный момент для моего возвращения, помня прошлый раз, когда «погрешность» на местности составила не менее нескольких сотен метров, а по времени – несколько часов). В общем, в этот раз 23 февраля всё было как всегда в этот день, когда «баталия» проходит в этом месте.

Под оглушительное баханье пиротехники и редкие выстрелы холостыми немногочисленные и тяжело дышащие «наши» с развевающимся красным флагом поднялись вверх по заснеженному склону. Столь же немногочисленные «немцы» очень аккуратно (чтобы, не дай бог, не запачкать дорогостоящую амуницию и маскхалаты!) изобразили убитых, после чего обе стороны исполнили традиционный шаманский танец с размахиванием охолощённым оружием и неразборчивыми радостными воплями, к неудовольствию зрителей-дошколят, которые привычно и разочарованно заныли басом на тему того, что «опять всё понарошку и никто никого не застрелил и не заколол»...

В общем, «реконструкция» прошла так, как и задумывалась. Я поснимал сие действие, а потом, пока вывалинные в снегу «наши» в валенках и вымазанных белилами касках и элегант-

ные «фашисты» с эдельвейсами на егермютце и «электромолниями» Ваффен-СС на петлицах строились в одну общую шеренгу и торжественно вручали друг другу почётные грамоты (проявления патриотизма у нас, как обычно, поддерживаются исключительно подобного рода макулатурой – на этом и сгорим, если что-то опять пойдёт не так, концепция в очередной раз изменится, и виноватой вновь окажется судьба, а не система), незаметно для всех сбегал до дома, сгрузил дорогостоящую фототехнику, вместо которой засунул в мешок тот самый «малый аварийный набор путешественника во времени», и быстро вернулся в парк, где построение как раз заканчивалось, сделав вид, что я никуда и не уходил.

Ну а затем, когда частично разоблачившиеся реконструкторы уже рассаживались в музейной подсобке за «стихийно накрытым» банкетом и, откупоривая водяру, медленно теряли человеческий облик (как подметили ещё некоторые классики, с мороза наш человек практически мгновенно хмелеет и удивительно легко и быстро надирается в дюпель, он же сосиска, он же драбодан, он же говно), я немного повертелся среди общего веселья, а потом, сказав что-то насчёт «пардон, кажется, я кое-что забыл, я сейчас» (на вешалке в подсобке остались висеть старый чёрный пуховик, в котором я туда пришёл, и пустая большая сумка – эта «зачанчка» была оставлена мной на случай «непредвиденных вариаций» при возвращении), тихо вышел из музея и вернулся на место баталии, где к этому времени уже разошлись не только участники, но и зрители с полицейским оцеплением и было совершенно безлюдно.

Только в соседней ресторации активно кушали беляши или чебуреки (судя по очень характерным ароматам) под безграмотные, но донельзя brutальные напевы Стаса Михайлова или ещё какого-то мужчинки из той же категории самозванных «королей вокала» и роковых бабских любимцев.

А далее всё было проще простого. Немного спустившись по бывшему лыжному спуску, я взял влево и, углубившись в лес, зашёл подалее за деревья. Там остановился и огляделся, убедившись, что меня никто не видит.

– Готов? – спросил в этот момент знакомый насмешливый голос у меня в голове.

– Так точно! – ответил я. – Практически как юный пионер!

– Ну, тогда вперёд, – сказал голос.

Эх, несчастный я человек, губит меня любопытство, как ту кошку. Вот опять меня посылают, и я иду. И всё исключительно из желания посмотреть живьём на нечто невиданное...

Причём сейчас я иду туда, где мне, возможно, придётся заниматься тем, чего я по жизни совершенно не умею, например кого-то пытаться и мучить...

Я сделал шаг в неглубоком снегу и, снова не уловив сам момент перехода, понял, что переместился-таки, поскольку и пейзаж, и температура вокруг меня в один момент стали совершенно другими. Уж точно не февральскими...

История 1

Вход через дыру в заборе. Хороша страна Германия

Окрестности города Кайзерштейн. Граница Германской Демократической Республики с Францией. 25 апреля 1962 г.

Против ожидания (увы, созданные разного рода «пессимистами-кромешниками» стереотипы из современного мне кино, книжек и всяких там игр – вещь довольно прилипчивая), никакой выжженной постатомной пустыни с кратерами, обуглившимися руинами, ржавыми железками, мутантами и просто вооружёнными чем попало уродами я в «точке выхода» не обнаружил.

Вокруг меня был лишь обычный весенний лес с только начинавшей проклёвываться на ветках липкой зелёной листвой и кое-где пробивающейся сквозь слой прелых прошлогодних листьев под ногами молодой травкой. Местами по ямам и низинам ещё стояла снеговая вода, но основная грязь уже подсохла. Пахло сыростью, мокрой древесиной и смолой. В кронах деревьев копошились птицы и вроде бы летали какие-то уже успевшие вылупиться или оттаять после зимней стужи насекомые.

Желтоватое солнце медленно опускалось к не видимому за деревьями горизонту, едва просвечивая сквозь пелену полупрозрачных облаков.

Практически идиллия. Как там было у незабвенного Сан Саныча Иванова? В худой котомк поклав ржаное хлебо, я ухожу туда, где птичья звон, и вижу над собою синий небо, косматый облак и высокий крон...

Ладно, фиг с ней, с лирикой. Стало быть, если сейчас на дворе действительно было 25 апреля 1962 года, то этот день уже давно перевалил обеденное время и клонился скорее куда-то к ужину. Лениво осмотревшись, я отметил, что лес вокруг был какой-то слишком аккуратный и чистенький, не то что у нас на Урале. Европа, что тут ещё скажешь, здесь не рискуешь на каждом шагу влезть в яму, бурелом, сухой репейник или кучу чьего-нибудь кала.

Ну, стало быть, если я попал именно туда, куда надо, теперь мне надлежало пройти метров пятьсот вперёд и там у, как меня проинструктировали, «приметного дуба» отыскать оставленный заранее тайник.

Зачем моим работодателям такие проблемы – не знаю. Вообще ещё в прошлый раз я убедился в том, что в этой загадочной «конторе» из будущего очень любят всё до предела усложнять, даже в тех случаях, когда это, по идее, совершенно не нужно. Логических объяснений этому у меня не было, кроме одного – если у них там руководят не оперативники-контрразведчики, а какие-нибудь высоколобые очкарики-«научники», все их действия действительно могут не поддаваться элементарной логике. Насмотрелся я в своё время на отечественные научные конторы – так местами выглядело очень похоже.

А вообще, судя по некоторым оговоркам Блондинки, переброска любых предметов в прошлое якобы была слишком накладным мероприятием. Именно поэтому переданные мне карты и прочие подготовительные документы были на столь тонкой бумаге – из-за каких-то технических проблем им там якобы легче было перебрасывать в прошлое любые грузы отдельно от человека, особенно если их вес превышал килограмм. Правда, чего такого сильно тяжёлого они в этот раз могли оставить для меня, я не представлял.

Стянув с головы и убрав в рюкзак шерстяную шапку традиционного национального фасона «презерватив» (вспотел, всё-таки вокруг было тепло – апрель, а не февраль), я двинулся в нужном направлении, с каждым шагом всё больше убеждаясь в отсутствии в этом лесу кого-

либо, кроме меня. Хотя я всё-таки не Красная Шапочка, чтобы на каждом шагу наткнуться на бабушек, волков, дроворубов и гомосексов (или дровосексов и гоморубов?).

При этом я, конечно, не думал, что местные пейзажи сильно встревожились бы, неожиданно встретив меня, выходящего из лесной чащи. Одет я был, как мне и приказали, неброско, в старые кирзовые сапоги, потёртые тёмно-серые штаны из брезентухи, такую же, только серо-зелёную заношенную куртку с капюшоном и древний серый, штопанный во многих местах свитер с сильно растянутой горловиной. Дополнял мой нынешний облик небольшой, местами выцветший добела рюкзачок из той же брезентухи.

В наших временах и широтах так вполне может выглядеть кто угодно – от какого-нибудь рыбака до собирателя цветных металлов, но вот какие были представления о подозрительных личностях и шпионах у здешнего населения – чёрт его знает.

Правда, я всё-таки был побрит и вполне аккуратно пострижен, но никакой реки в окрестностях я что-то не наблюдал (а значит, за рыбака меня точно не примут, тем более что удочки у меня не было). Для грибов-ягод ещё был однозначно не сезон, для подснежников поздно, а на охотника я тоже как-то не тянул, прежде всего опять-таки из-за отсутствия ружья. А раз так – встречаться с кем-либо раньше времени не стоило, поскольку встречные с равной долей вероятности могли сказать мне и «гутен таг», и «хенде хох».

А между тем впереди действительно открылась небольшая поляна с приметным, очень толстым дубом. Деревцу было лет сто, не меньше, и оно резко выделялось на фоне остального окружающего леса.

Метрах в сорока справа от дуба, там, где и было договорено, обнаружился искомый ориентир – четыре камушка, лежащих квадратом.

Я опустил рюкзак на землю и, достав из него обшарпанную, слегка ржавую лопатку (уж не помню, где именно и когда я её спёр в родном времени) габаритов примерно малой сапёрной, приступил к земляным работам. Долго копать не пришлось – захоронка была под довольно тонким слоем земли, именно там, где и ожидалось. Интересно: закладку делали недавно или она пролежала тут, скажем, с осени?

Достав из земли запечатанный в прозрачную плёнку довольно тяжёлый тючок, я вытащил из кармана куртки раскладной нож и вскрыл похожую на многослойный полиэтилен упаковку, которая выглядела довольно свежей. А раз так, предположение о том, что содержимое тайника лежало в этом лесу давно, никоим образом не подтверждалось.

Внутри, под слоем полиэтилена, было сложено несколько пакетов, тючков и свёртков.

В одном был хорошо знакомый мне пистолет ТТ, но с латинскими буквами на затворе и накладках рукоятки. Надо полагать, польская копия нашего «Тульского Токарева» – РW wz.33 с оружейной фабрики в Радоме или вроде того.

К пистолету прилагались две запасные обоймы с патронами, третья уже сидела в его рукоятке. Я проверил оружие (всё работало штатно) и, загнав патрон в ствол, убрал пистолет и одну запасную обойму в левый внутренний карман куртки. Вторую обойму засунул в рюкзак. Правильно ли это было с точки зрения конспирации – чёрт его знает. Вдруг у них тут кругом комендантский час и шмоны на каждом шагу? Вот найдут у меня пистолет с кучей патронов – и доказывай потом местным правоохранительным органам, что ты не верблюд, а пан Гималайский...

Хотя раз, к примеру, ручных гранат мне в тайник не положили, серьёзных боёв пока что, судя по всему, не предстояло, что, конечно, не могло не радовать.

Следом за пистолетом и патронами я извлёк из захоронки хороший цейсовский бинокль. Его я, подумав, повесил на шею – он мог пригодиться мне немедленно.

В следующем пакете было две книжечки – толстая тёмно-зелёная и совсем тоненькая светло-зелёная. Под ними лежал ещё и небольшой конверт из коричневатой обёрточной бумаги.

Первая имела на обложке золочёное тиснение Czeskoslovenska Socialisticka Republika и донельзя воинственный государственный герб одной из наиболее отвратительно воевавших на протяжении всей своей истории европейских стран – пятиугольник со стоящим на задних лапах львом и пятиконечной звездой.

Это, стало быть, и был обещанный мне чехословацкий паспорт, раритетный сувенир из уже давно не существующей страны.

Раскрыв его, я внутренне зашёлся от хохота. Затеяники, блин, нашли чего придумать, комики... Оказывается, теперь меня звали Ярослав Анджей Немрава (Nemrava). И всё бы ничего, только в переводе с чешского на языке родных осин «Немрава» звучит не иначе как «Аморалкин» или «Развратов» (если не принимать во внимание ещё более грубые, сугубо народные переводы). Короче говоря, брюки превратились в элегантные шорты – был Андрей Черников, а стал Ярослав Аморалкин, крайне недостоверный соотечественник бравого солдата Швейка...

Хотя, по-моему, «цивилизованные европейцы» таких нюансов точно ни за что не должны были просечь. Так что хрен с ним – Немрава так Немрава.

Я быстро пролистал зеленоватые (скорее даже бледно-салатные) страницы паспорта, украшенные заковыристыми водяными знаками. Что там ещё сказано про меня? Так, чехословацкий подданный. Ну, это понятно. Дата выдачи паспорта 30.08.1959 г. Место выдачи – Прага. Сам собой напрашивался нехитрый вывод о том, что в здешней Чехословакии в период после Третьей мировой паспорта явно массово меняли или как минимум обновляли.

Здесь же дата рождения – 6.11.1929, место рождения – г. Трнава (ну это где-то в Словакии) и синяя гербовая печать с государственным гербом ЧССР. На следующей странице паспорта справа было приклеено моё чёрно-белое фото в пижонском тёмном пиджаке и при галстукке (не помню, чтобы когда-то снимался в таком вот виде, налицо был явный фотошоп из будущего), слева на той же странице были обозначены цвет волос и глаз, а ниже стояла якобы моя подпись. Потом надо будет потренироваться в нелёгком искусстве росписи.

И это было, в общем-то, всё, если не считать того, что паспорт выглядел не новым, а слегка потёртым (грамотно состарили, надо полагать) и украшенным в течение трёх лет, прошедших с момента выдачи, въездными визами нескольких стран, включая СССР и Францию.

Тонкая светло-зелёная книжечка оказалась удостоверением сотрудника объединённой контрразведки ОВД. На обложке было оттиснуто чёрными немецкими буквами «Vereinigen Spionageabwehr Warschauen Vertag» – WSWV. Внутри всё тоже было пропечатано на немецком, хотя текста, как такового, было мало. На правом развороте было моё фото, но на этот раз в какой-то белой рубашке с полосатым галстукком и отличающейся от фото в паспорте причёской – тут я был какой-то более волосатый.

Удостоверение было выдано в Берлине в марте 1960 года. Всё, что следовало из сего документа, – Ярослав Немрава (то есть я) является «mitarbeiter» (то есть сотрудником) некоего 9-го «Operationsabteilung» (то есть, надо полагать, оперативного отдела) 3-го «Referat» (управления, что ли?) этой самой «Vereinigen Spionageabwehr Warschauen Vertag», то есть «Объединённой контрразведки ОВД». О том, чем этот 9-й отдел реально занимается, не было написано ничего (зато я помнил, что, по легенде, я занят поиском неких военных преступников), но при этом на левом развороте мелкими буквами было напечатано предписание к любым госструктурам «оказывать мне и сопровождающим меня лицам содействие по первому требованию».

Удостоверение украшали аж три казённые печати с чехословацким львом, восточно-германским молотком и циркулем в веночке из колосьев и родной печатью Комитета государственной безопасности СССР.

Похоже, ксива была вполне солидная, но вот в какой момент мне использовать её, а в какой просто паспорт? Конечно, по идее, местные патрульные полицейские не должны стре-

лять по предъявителю подобного служебного удостоверения на поражение, но стоило ли сразу же светить себя перед кем попало в качестве сотрудника спецслужб?

Не разрешив для себя эту дилемму, я убрал оба документа в правый, внутренний карман куртки, сказав себе, что буду выбирать варианты между паспортом и удостоверением «по ходу пьесы».

В коричневом конвертике обнаружилось с десяток чёрно-белых фотографий, аналогичных той, что была наклеена в моём здешнем паспорте (при пиджаке и галстук), двух разных типоразмеров. То есть получается, что я был отчасти подготовлен на случай, если потребуются выписывать на моё имя фальшивые паспорта, удостоверения личности и прочее. Умно, ничего не скажешь, очень мило со стороны моих работодателей...

Дальше в захоронке лежал довольно толстый пакет с деньгами. Почему-то тут были исключительно немецкие марки, как бундесдойчевские, так и восточные, четыре пачки – всего не меньше полусотни тысяч. Интерес ради я посмотрел, что это за деньги. В пачках были купюры по десять марок ФРГ, сине-голубые, с тремя какими-то полными бабами в тогах и с венками на головах, в древнегреческом или древнеримском стиле (богини какие-то?) по центру и надписью «Zehn Deutsche Mark», зелёно-кремовые двадцатки, на которых теперь уже слева были изображены две аналогичные бабы на фоне какого-то пейзажа с городом и паровозом, полусотенные «Funfzig Deutsche Mark» с коричневатым портретом какого-то длинноволосого хмыря в широкополой шляпе (его физиономия показалась мне смутно знакомой – это часом не Альбрехт Дюрер, тот, который художник?) и песочно-синеватые сотняги с портретом ещё одного деятеля, на сей раз с короткой стрижкой и в чём-то вроде тубетейки. Кто это такой, я даже и не пытался вспомнить с ходу.

Налиествовали тут и гэдээровские серо-зелёные полусотенные и бело-розово-коричневые сотняги, предельно простые, без портретов и картинок, чем-то похожие на появившиеся после 1961 года советские рубли. Интересно, что в пачках было примерно пополам денег, выпущенных в ФРГ и ГДР. Всё это, конечно, хорошо, но интересно, какие у них тут вообще цены? Может, этих полусотни тысяч мне хватит лишь на булочку с маком, кружку пива или пачку сигарет?

А на самом дне захоронки лежали два тяжёленьких тючка. Точнее сказать, это было нечто вроде армейских подсумков – скроенные из тёмно-зелёного брезента прямоугольные чехольчики, застёгнутые на клапан с пуговочкой. На одном чем-то белым была накорябана единица, на втором двойка.

По условиям моего появления здесь тючок под номером один я должен был отдать в этом самом Кайзерштейне, на явке, тому человеку, который даст правильный отзыв на мой пароль. А вот второй тючок мне следовало отдать уже другому человеку – тому, с которым меня сведёт хозяин явки. Надо полагать, это был некий аванс за предстоящую работу.

Спортивного интереса ради я заглянул в «подсумки». И как легко догадаться, там было нечто прямоугольное и тускло блестящее, а точнее, золотишко в слитках.

Если исходить из элементарной логики, в качестве расчётного средства при транспортировке на дальние расстояния (а уж тем более через время, при заявленном условии жёсткой весовой экономии), на мой взгляд, куда удобнее были бы бриллианты, необработанные алмазы или любые другие драгоценные камни. Именно такой вариант часто показывают в криминальных и шпионских фильмах. Вот только «брюлики» куда сложнее реализовать, а тем более в военное или послевоенное время. Золото в этом смысле куда проще использовать: оно быстро и легко превращается из лома в ювелирные изделия и, соответственно, обратно. Так что моим работодателям в данном случае было всё-таки виднее...

В первом тючке было два аккуратных килограммовых брусочка с гитлеровским орлом и маркировкой «Deutsche Reichsbank. 999/1000 Gold». На обратной стороне брусков была круглая печатка с таким же орлом и надписью по кругу «Reichsbank Direktorium». Эхо войны? Во

втором тючке килограммовых слитков было три, но других – с более плавно скруглёнными углами и маркировкой «Union Bank Switzerland 1 Kilo Fine Gold 999,9». Стало быть, золото здесь по-прежнему в цене, и, коли уж оплата столь серьёзна, ставочки в предстоящей мне операции должны быть довольно высокими. Правда, непонятно, зачем надо было использовать слитки двух разных по национальной принадлежности образцов? Разве что у них именно так было договорено заранее.

Откровенно говоря, не радовало то обстоятельство, что теперь мне предстояло переть на себе аж пять кило золота. Не то чтобы это было офигенно тяжело, но ведь золото, да ещё в подобных количествах, – это такая вещь, из-за которой в любые времена и на любом меридиане могут не просто убить, а вообще сделать так, что ты исчезнешь из виду, словно стёртый ластиком, что называется «с концами», под асфальтом или с привязанным к ногам горелым и ржавым колосником, на речном или морском дне.

Однако времени на размышления по этому поводу у меня не было, поскольку гулять по незнакомому лесу в темноте я не хотел.

Я убрал золотишко в сильно потяжелевший от этого рюкзачок, после чего свалил лопатку (далее таскать с собой этот инструмент мне точно не стоило, пусть археологи из этой реальности потом поломают голову, откуда сей «артефакт» взялся) и опустевшую, разорванную полиэтиленовую упаковку в ямку и, используя в основном собственные растоптанные сапоги, заровнял её. Потоптал землю, набросал сверху прошлогодней прелой листвы. Вроде получилось незаметно со стороны.

Закинул рюкзачок за плечи, огляделся и потопал дальше. Теперь дело было за малым – попасть на явку. Точное время моего появления там оговорено не было, а значит, меня должны ждать там круглосуточно.

Этот самый Кайзерштайн должен был быть в нескольких километрах от меня, вот только в какой именно стороне?

Не став бросать монетку (которой у меня всё равно не было), я пошёл, забирая чуть влево.

Протопав минут пятнадцать, я услышал где-то вдалеке невнятные лязгающе-стучащие звуки, характерные для железной дороги, а потом, прислушавшись, я услышал впереди себя и звуки, похожие на шум автомобильных моторов. Ну что же, поздравляю. Раз солнце там, значит, Ашхабад вон там, как говорил прораб Машков из старого фильма «Кин-дза-дза».

Я несколько воодушевился и двинулся в сторону этих звуков.

И здесь я напоролся на первую неожиданность. В лесу, на небольшом расстоянии друг от друга, один за другим обнаружилось несколько явно искусственных прогалов. По центру каждого из них была когда-то глубокая, но теперь сильно оплывшая яма (на дне некоторых углублений ещё стояла талая вода), деревья вокруг повалены или вообще расщеплены, но давно – мёртвая древесина давно потемнела, отсырела и загнила, а среди поваленных ветвей и стволов успели пробиться молодые деревца. Первое, что пришло мне в голову (опыт Второй мировой так просто не пропёшь), – воронки от снарядов тяжёлой артиллерии или авиабомб приличного калибра (килограмм по сто, не меньше). Например, в Камбодже полно подобных, расположенных на местности почти ровными рядами прудов. Примерно в тех местах, где американские демократы некогда сыпали фугаски калибром от полутонны и выше со своих В-52...

Вот только здесь всё это взрывалось очень давно, никак не меньше двух лет назад. Вот, стало быть, я и напоролся на первые следы боёв здешней Третьей мировой. Остаётся благодарить хотя бы за то, что этим неизвестным воителям всё-таки хватило ума и они скинули атомную бомбу на этот заштатный лес... Хотя, с другой стороны, в этом случае здесь точно был бы не лес, а нечто иное, и спрашивается: какой дурак стал бы в этом случае размещать здесь тайник?

Чисто инстинктивно я начал с удвоенной энергией вертеть головой на 360 градусов и прислушиваться к любому шороху, но, кажется, зря – не было вокруг ничего крупнее птиц, которые не особо-то и пугались идущего практически напролом через лес человека.

Спустя какое-то время деревья стали заметно реже, а потом за весенней растительностью, в синеватой предвечерней дымке, на самом краю леса мелькнули какие-то тёмные, неподвижные предметы.

На всякий случай я резко остановился, схоронился за ствол какого-то молодого дуба и поднял бинокль к глазам, желая осмотреться.

Действительно, слева от меня, за стволами крайних деревьев, где лес, похоже, окончательно сходил на нет (там тоже присутствовали в изобилии уже знакомые мне ямы и поваленные стволы), действительно просматривалось нечто, напоминающее какую-то технику. Но была эта техника неподвижной и, я бы даже сказал, мёртвой. При этом людей нигде видно не было.

Уже особо не таясь, я наконец вышел из леса и узрел вживую картину вполне в стиле иллюстраций из старых, ещё советских, школьных учебников на тему Прохоровского или Корсунь-Шевченковского сражений, с той единственной разницей, что подбитая техника сейчас стояла ко мне кормой, а не лицом.

Подойдя ближе, я понял, что это остатки танковой колонны, а если точнее – развёрнутой по фронту группы из примерно трёх десятков танков, сплошь западного образца. Здесь было полтора десятка высоченных, хорошо узнаваемых по своей многокатковой ходовой части и литым башням средних танков М47 и М48, десятков слишком крупных для своего класса лёгких танков, похожих на те же самые, только несколько уменьшенные «Паттоны», «Бульдогов», они же М41, и четыре здоровых, угловатых «Центуриона».

Местность вокруг танков была густо истыкана ямами, очень похожими на те, что я только что видел в лесу. Мрачно смотревшие в разные стороны поникшими орудийными стволами (которые сохранились далеко не у всех машин) и открытыми настежь (и, кажется, уже приржавевшими в таком положении) люками танки буквально вросли в землю под собственным весом, и вокруг них помаленьку проклёвывалась ярко-зелёная весенняя травка.

Кроме них здесь валялось ещё много военного хлама – многочисленные помятые и дырявые каски английского и американского образца (на одну из них я даже наступил), противогазовые коробки, разорванные резиновые маски противогазов, позеленевшие гильзы, разнокалиберные и очень ржавые пустые ёмкости (часть из них явно относилась к внутреннему оборудованию танков) и десятка три остовов (кроме рам там мало что сохранилось) сгоревших грузовиков и джипов.

Я прошёл между навечно замершими у этого леса танками и, немного посмотрев по сторонам, начал наконец понимать, что именно здесь произошло.

Судя по всему, с момента, когда с этими танками случалась некая «неприятность», действительно прошло ну никак не меньше двух-трёх лет. Хотя это до меня, кажется, дошло ещё в лесу. Ямы, а если точнее – старые воронки, располагались вокруг них вполне осмысленно.

Фронтальных сквозных пробоин в корпусах и башнях танков я не рассмотрел, зато были заметны солидные дыры и проломы в крышах бронекорпусов и башен, а также изуродованные опять-таки чем-то тяжёлым, прилетевшим сверху надгусеничные полки и ходовая часть. При этом несколько корпусов были заметно обгоревшими или даже частично разбитыми по швам, с отрывом от машин кормовых листов и искорёженных башен, которые валялись далеко в стороне.

А раз так, напрашивался законный вывод – некое механизированное подразделение НАТО было застигнуто на опушке этого леса либо огнём вражеской (то есть нашей) тяжёлой артиллерии, либо ударом авиации. И то и другое оказалось достаточно убойным для того, чтобы смерть пригвоздила эти танки к опушке леса навечно. Да кто бы сомневался – гаубичные

снаряды калибра от 122-мм и выше или авиабомбы калибром свыше полсотни кило – вещь вполне смертельная для любой бронетехники, пусть без прямого попадания. А при попадании летящая со сверхзвуковой скоростью болванка, весящая минимум полсотни кило, искорёжит танк и убьёт экипаж, даже если не взорвётся. . .

При этом уничтоженное в этом месте подразделение было явно сводным. На большинстве «Паттонов» и М41 сохранились белые звёзды и американская маркировка, но среди них было и несколько М47 и «Бульдогов» с чёрно-белыми тевтонскими крестами на броне. «Центурионы» были, разумеется, английскими, на корме одного такого танка просматривался маленький, местами уже облетевший «Юнион Джек» и гербовый щиток какого-то уланского либо драгунского полка.

При этом безжалостное время уже брало своё – здесь давно не пахло горелым, обугленный металл потемнел, сохранившаяся краска начала пузыриться и облезать от влаги и холода, обнажая тронутую ржавчиной поверхность.

Кроме прочего я различил на каждом подбитом или разбитом здесь танке нарисованный от руки потускневшей белой масляной краской четырёхзначный номер, вроде тех, что писали на немецкой технике «трофейщики» Красной Армии в 1944–1945 годах. При этом все увиденные мной на этих танках номера начинались на «4», например «4198», «4177» и так далее.

Ну да, социализм – это учёт, и без разницы, касается ли это количества тонн клевера, засыпанных в инкубаторы от каждой курицы-несушки после обмолота зяби, или же военных трофеев.

Но самое главное – нельзя было не заметить, что на этом танковом кладбище кто-то уже успел основательно пошуровать.

К танкам вела хорошо заметная грунтовая дорога с глубокими, но уже успевшими оплыть колеями, по которой никто не ездил как минимум с прошлой зимы.

С части оставшихся в относительно целом виде боевых машин срезали (явно автогенном и, надо сказать, весьма неаккуратно) пушечные стволы и часть внешнего «обвеса», одновременно демонтировав двигатели и прочую внутреннюю начинку, не говоря уж про проводку, боезапас и прочее. Кроме того, на некоторых танках не было траков и части катков.

Судя по всему, некто (это точно была или родная Советская Армия, или союзные нам в те давние времена восточные немцы) просто поленился везти эти трофеи в переплавку и предпочёл раздербанить их прямо на месте. Сюда явно подогнали автокран (и не исключено, что не один) и прочую технику – и, как говорится, понеслась. Судя по нескольким валявшимся вокруг пустым и мятым ржавым бочкам, промаркированным кириллицей, и размерам колеи этой стихийно возникшей грунтовой дороги, здесь, похоже, довольно долго ездили туда-сюда как минимум на гусеничных тракторах или тягачах. При этом разбирали танки неряшливо и явно второпях, поскольку на земле вокруг них валялось много вмятых в грунт железных обломков, самыми крупными из которых было несколько катков и зубчатая ведущая звёздочка от М48.

Н-да, похоже, тут у них действительно были дела, только было это очень давно. Демонтаж производили как минимум год назад, а подбили эти танки и того позже. О том, что стало с экипажами этих танков, думать как-то не хотелось. Хотя, раз уж костей вокруг не валялось, покойников, скорее всего, закопали по санитарно-гигиеническим соображениям и, возможно, где-то в ближних воронках.

Однако для меня на этом «батальном полотне» куда важнее было другое – хорошо видимые с этого места визуальные ориентиры. Подбитые танки стояли на опушке леса неправильным полукругом (контратаковать собирались или, наоборот, отходили?) на небольшой возвышенности, задом ко мне и передом к низине. И я, наконец, мог примерно определить, где здесь восток, а где запад.

И если я всё правильно определил, издававшее тот самый шум моторов шоссе виднелось за деревьями, в паре километров южнее того места, где я в данный момент стоял.

Я поднял бинокль, более детально осматривая окрестности. Да, несомненно, это было шоссе, и вполне приличное. Прямо-таки автобан, какие в этих краях строили начиная с 1930-х годов. Одновременно левее меня опять послышался характерный звук. Сначала резкий гудок, а затем лязг и удары металлических колёс на рельсовых стыках. Я посмотрел туда – ага, за деревьями, значительно левее и дальше шоссе действительно просматривались столбы, и видно, как ползёт небольшой жёлтый тепловоз, тянущий за собой вереницу коричневых товарных вагонов. Стало быть, «железка», идущая практически параллельно шоссе.

А вот дальше, у горизонта, были видны здания – дома в два-три этажа, в основном под красными черепичными крышами. Над местностью господствовал острый шпиль какой-то кирхи или собора, а в закатной дымке у горизонта, на вершине одного из отдалённых холмов, смутно просматривалось какое-то тёмное, вычурное строение. Старинный замок или что-то типа того?

Не знаю, что это был за замок, но город передо мной, похоже, был именно искомым Кайзерштайном. Исходя из этого направление дальнейшего моего движения было, в общем, определено.

Я перевёл бинокль на шоссе. Движение было не то чтобы интенсивным, но всё-таки было. Это категорически не напоминало автодороги из западных фильмов про постапокалипсис. Там ведущие в какой-нибудь очередной Бартертаун дороги обычно завалены обломками разбитого и сгоревшего транспорта, за которыми неизменно прячутся банды вонючих оборванцев с ржавыми заточками в трясущихся руках. А ездят по этим дорогам разве что банды каких-нибудь необайкеров-людоедов, которые непонятно как умудряются сохранять на ходу свои мотоциклетки (надо полагать, что мотозапчасти у подобных персонажей растут на деревьях, а бензин берётся ими прямиком из колодцев или ручьёв).

Здесь ничего подобного не было. За росшими вдоль обочины деревьями мелькнули туда-сюда три или четыре грузовика с тентованными кузовами или фургонами. Угловатые машинки типа «Опель-Блицца», грузоподъёмностью от полутора до трёх тонн, какие после 1945 года в изобилии производили по обеим берегам Эльбы. Одновременно с грузовиками по дороге проехала пара легковушек (одна из них походила на «Опель-Кадет», тот, из которого у нас потом сделали «Москвич-401»), а затем проскочило что-то белое, настолько мелкое, что я даже удивился: малолитражка какая-нибудь?

Стало быть, жизнь у них тут была как жизнь. Конечно, следы былых баталий присутствовали, но какие-то не особо явные. Вот тебе и Третья мировая...

Разумеется, выйти и голосовать, чтобы проехать до городка, я не решился. Мало ли какие у них тут предубеждения связаны с автостопом, теми, кто путешествует подобным образом?

Посему я решил добираться до города вдоль шоссе. Благо было сухо, не грязно и никакого любопытного народа вокруг не было.

При этом я старался идти с предельной осторожностью, так, чтобы меня не смогли рассмотреть с дороги. Зато я, имея при себе бинокль, мог издали и не особо напрягаясь разглядеть всё, что мне требовалось. Правда, надо признать, что сидящий в кустах человек с биноклем поневоле вызывает подозрения в любые времена, тут понимание может вызвать разве что вульгарное подглядывание за девками на нудистском пляже, но это, увы, не мой случай.

Пройдя в хорошем темпе вдоль шоссе километра три, я обнаружил перекрёсток дорог, а у перекрёстка – кубический белый домишко с плоской крышей очень характерного вида, выходявший большим застеклённым окном на дорогу.

Я немедленно спрятался за ближайшее дерево и всмотрелся в окрестности через толстые линзы бинокля.

Так. Чуть дальше на перекрёстке ясно просматривался указатель с чёрными немецкими буквами на белом фоне. В ту сторону, куда я шёл, было написано «Kaiserschtein» (стало быть, верной дорогой идёте, товарищ), в противоположную сторону – «Strasbourg», налево – «Karlsruhe», направо – «Stuttgard».

Пришлось напрячь соображалку на предмет знания географии. Стало быть, это местность, именуемая в нашей реальности «Земля Баден-Вюртемберг», – одна из западных приграничных провинций ФРГ, поскольку Страсбург – это уже однозначно Франция. Место, в наши времена памятное в основном погаными, пресловутыми международными судами и трибуналами, которые карают, мягко говоря, очень избирательно.

Стало быть, я направлялся к Кайзерштадту напрямик (а может, и не совсем напрямик) со стороны французской границы. Так что, если не повезёт, вполне могут и за иностранного шпиона принять...

Я присмотрелся к домишку на перекрёстке. На его казённую принадлежность чётко указывали тянущиеся к нему от ближайших придорожных столбов телефонные провода и припаркованная рядом легковая машина, округлая, немного похожая на нечто среднее между «Фольксвагеном Жуком» и «Москвичом-407». По-моему, это был «Вартбург» восточногерманского производства, с радиоантенной, мигалкой и «матюгальником» на крыше, покрашенный в характерные зелёно-белые цвета народной полиции ГДР. На зелёной двери машины просматривалась белая надпись «Polizei», а на белом капоте – чёрные буквы «Volkspolizei» и красно-жёлто-чёрная эмблема.

Потом из-за угла домика вышел типичный восточногерманский дорожный «народный полицейский» в светло-сером (почти белом) широком плаще с капюшоном, фуражке с белым чехлом и зелёным шнуром, чёрных перчатках и начищенных сапогах с по-пижонски собранными в гармошку голенищами. В руках у полицейского была полосатая палка, вечная подруга и кормилица гибэдэдэшников из нашей реальности.

Полицейский обвёл дорогу скупающим взглядом, потом обернулся и что-то сказал. Из-за его спины появился второй полицейский, немолодой, сутулый, в круглых очках и такой же, как у первого, фуражке с зелёным шнуром и широким серебристым кантом на погонах. Этот представитель закона был в обычной, напоминающей вермахтовскую цветом и покроем шинели, а поперёк его груди висел на брезентовом ремне автомат ППШ-41 с дисковым магазином. Полицейские о чём-то заговорили. Услышать их с такого расстояния я, разумеется, не мог, а читать по губам, да ещё и по-немецки – увольте, легче сразу застрелиться.

Для себя я решил, что встречаться со здешней полицией до момента, пока она не устроит масштабную облаву персонально на меня или когда все столбы и заборы украсит изображение моей физиономии с подписью «розыск», всё же не стоит, тем более что такие же посты или патрули просто обязаны были быть и в городе, куда я сейчас шёл.

Отойдя подальше туда, где с полицейского поста меня категорически не смогли бы увидеть, я перебежал дорогу, дождавшись отсутствия машин.

Хотя движение было довольно слабое. Уже миновав шоссе, я увидел из-за кустов, как в сторону Карлсруэ медленно проехал большой автобус зализанных очертаний, чем-то похожий на наши «ЗИЛы» или «ЛИАЗы» тех времён, вполне опрятный, красно-белой расцветки. За стёклами салона были видны лица многочисленных пассажиров.

Потом в обратном направлении с тарахтящим звуком проехало нечто ну очень мелкое, на трёх небольших колёсах, отчасти напоминающее утюг. Зелёный цвет кузова, две торчащие прямо под водительским стеклом лупоглазые фары и округлые крылья-обтекатели передних колёс придавали этому транспортному средству сходство с жабой. При этом внутри этого агрегата, под прозрачной крышей покачивались друг за другом очень довольные физиономии водителя и пассажира. Когда диковинная таратайка скрылась из виду, я наконец вспомнил, что это такое было.

С конца 1940-х и вплоть до начала 1960-х годов насильственно демилитаризованные бывшие заводы «Мессершмитта» в Западной Германии, которым было категорически запрещено строить самолёты, с немалым коммерческим успехом клепали такие вот трёхколёсные то ли мотоколяски, то ли малолитражки, которые назывались «Мессершмитт» KR175 или KR200. Эти рассчитанные на двух человек (при этом водитель сидел практически между ног пассажира) машинки имели вместо привычной баранки «рога» типа мотоциклетного руля и откидывающуюся в сторону вместе с бортом крышу «салона». Кажется, именно такую тачку, по сравнению с которой наш полузабытый горбатый «запор» или какой-нибудь польский «Фиат-500», он же «Малюх», выглядели прямо-таки лимузинами представительского класса, я и увидел накануне на дороге издали. Только та была белого цвета. Что же, по крайней мере, раз эти супермалолитражки производятся и у здешних обывателей есть возможность ездить на личном автотранспорте (прежде всего это касается горючего), значит, вокруг всё действительно не так уж и плохо...

Я опустил бинокль и с оглядкой двинулся дальше, в сторону города.

Через километр или полтора вдоль дороги наконец потянулись отдельные крайние дома городка. Первый из них был пустой коробкой без крыши и окон, хотя следов пожара или каких-либо разрушений на этом здании не было заметно. Скорее дом просто пришёл в запустение и его по какой-то причине частично разобрали. Остальные здания имели вполне жилой вид, но подходить к ним близко я не рискнул.

Потом уже на самом въезде в город мне встретилась бензоколонка.

Подходя к ней по обочине дороги, я решил не таиться и постарался придать своей персоне скучающий вид, но, как оказалось, зря старался. Когда я поравнялся с бензоколонкой, увидел, что она закрыта. Света в кассе с опущенным окошком не было, колонки и украшенная табличкой с натрафареченной немецкой надписью «Закррито» застеклённая входная дверь были заперты на всяческие замки. Но заперты недавно. Скорее всего, рабочий день уже закончился. В конце концов, я здешнего времени не знал (на моих нарочито безликих и подобранных специально для такого случая, оформленных под середину прошлого века китайских наручных часах стояло время нашей «реальности отбытия» – 0 часов 43 минуты, то есть категорически не соответствующая времени моего прибытия ночь), как не знал и дня недели. Вдруг 25 апреля в этом году было воскресеньем, а значит, выходным днём?

Сама бензоколонка очень сильно напоминала виденные мной в фильмах 1950–1960-х гг. Разве что здесь практически не было рекламы – только над въездом на бензоколонку торчал на двух столбах выцветший рекламный плакат с красно-жёлтой раковиной нефтяной компании «Шелл», да и то, похоже, только лишь потому, что у кого-то здесь просто не дошли руки залезть и снять его.

Зато у кассы висело написанное типографским способом, крупными немецкими буквами объявление, которое относилось уже явно к новейшим временам.

Я сумел разобрать, что в нём говорилось, в частности, о том, что бензин владельцам частных автомобилей и мотоциклов отпускается только после предъявления удостоверяющего личность документа, а также о том, что при отсутствии выданных государственными учреждениями талонов на топливо разовая норма отпуска бензина на одно транспортное средство составляет не более двадцати литров в одни руки. Пониже было сказано, что к оплате принимаются любые европейские денежные знаки, кроме английских, португальских и американских. Стало быть, хотя психологический момент для заправки автомобилей ослиной мочой ещё не настал, некоторые объективные трудности со снабжением здесь всё-таки имели место.

Это было вполне понятно. Собственно, никто и не говорил, что будет легко.

Пока я читал объявление, мимо медленно проехал зелёный грузовик ЗиС-151 с круглой эмблемой Национальной Народной армии ГДР на двери водительской кабины и наглухо зашнурованным брезентовым тентом на кузове. Ещё одна примета времени. Интересно, откуда

в армии здешнего ОВД поступают эти ЗиСы, если от производящего их автозавода, по идее, должны были остаться одни воспоминания? Или это старые запасы?

Между тем подошвы моих кирзовых сапог топали по аккуратным булыжным мостовым. При ближайшем рассмотрении Кайзерштейн смотрелся вполне обычно. Я почти уверен, что абсолютно аналогично этот городок выглядел и до Первой мировой войны (только тогда вместо автомобилей по улицам должны были проезжать конные повозки), и в начале XXI века (в этом случае отличие будет в мобильниках и айфонах в руках у обывателей и обилии арабских и темнокожих физиономий на улицах). В Европе за последнее столетие вообще мало что изменилось, хоть внешне, хоть внутренне.

По сторонам улицы, по которой я шёл, тянулись двух- и трёхэтажные каменные дома с аккуратными фасадами и парадными, под красными черепичными крышами с жалюзи на окнах. Там, где жалюзи были открыты, за стёклами можно было рассмотреть занавески и цветы в горшках.

Следов пожаров, обстрелов, бомбёжек или уличных боёв мне не попало ни разу, а вот наглухо запёртые на всякие замки и лишённые вывесок помещения на первых этажах зданий, где вполне могли размещаться магазины, лавки или какие-нибудь конторы или учреждения, мне по дороге встречались многократно.

Впрочем, открытых магазинов и лавок мне навстречу тоже попало достаточно. Судя по вывескам типа «Brot», «Milchwaren» или «Lebensmittelgeschäft», это были в основном продуктовые торговые точки. В одном месте встретила мне и интернациональная вывеска «Kafe».

Заходить куда-либо я, естественно, не рискнул, хотя всё было тихо и местных обывателей мне по дороге встретилось немного.

Сначала навстречу мне прошёл солидный гражданин с портфелем, в светло-сером плаще, при галстуке и модной для тех лет шляпе с узкими полями. Потом из переулка вышел и перешёл улицу передо мной молодой парняга в тёмных брюках, коричневой замшевой куртке и надвинутой на глаза кепке.

Затем навстречу мне по другой стороне улицы прошла симпатичная женщина лет тридцати, одетая в кремовое лёгкое пальто чуть ниже колен, светло-серые туфли и конусовидную, слегка похожую на колокольчик шляпку, примерно того же цвета, что и обувь. Дополняли картинку коричневая сумочка на её плече, светлые перчатки и большая матерчатая сумка (с такими примерно в эти годы ходили за покупками домохозяйки по всему миру) в правой руке.

Вот за что люблю ту эпоху, примерно с конца 1950-х – женщины тогда действительно были похожи на женщин и одевались не просто по моде, а красиво, так, что глаз любого встречного мужика радовался. Бывает, даже на наших, советских фото тех времён (а у нас по части хорошо одеться тогда всё-таки было неважно) нет-нет да и попадётся какая-нибудь красавица, в холодное время года вышедшая на улицу в пальто с меховым воротником и в туфлях на шпильке. На фоне нынешних, пляющих в любое время года дурацкие штаны и прочий унисекс и из-за этого не похожих ни на что баб мода 1960-х, пожалуй, выглядит чем-то инопланетным и, увы, уже недоступным. Именно поэтому я старые фильмы и сериалы (даже относящиеся к 1980-м годам) иногда пересматриваю с удовольствием...

Между тем женщина скрылась за углом, а мои размышления прервало тарахтение мотора. И через минуту мимо меня проехал светло-серый мотороллер марки «Веспа», за рулём которого сидела курносая деваха, одетая в стиле эпохи – волосы аккуратно убраны под красную, в белый горошек, косынку, длинная оранжевая куртка до середины бедра, укороченные брючки в обтяжку и чёрные лаковые туфли на небольшом каблучке. Никакого внимания на меня эта «мотоледи» не обратила (даже не посмотрела в мою сторону), впрочем, как и все, встреченные мной ранее прохожие.

На меня опять накатил приступ лёгкой ностальгии – вдруг вспомнил, что сто лет не видел мотороллера. Во времена моего раннего детства, в конце 1970-х – начале 1980-х, по

улицам моего родного Краснобельска ещё ездили вот такие штуки. И обычные, типа той же «Веспы» (вроде бы, если я ничего не путаю, в Советском Союзе существовали мотороллеры марок «Тула», «Вятка» и «Электрон»), и трёхколёсные грузовые, которые назывались «Муравей». А потом все они вдруг резко исчезли, вместе с СССР и социализмом, и теперь мотороллеры у нас в стране можно увидеть разве что в музеях да на каких-нибудь выставках автотостарины. Ладно, если будет время – покатаюсь...

Однако какие выводы можно было сделать на основе моего хождения по улицам? Люди вокруг были вполне нормально одеты, выглядели и вели себя вполне адекватно. Во всяком случае, никто не поднимал паники и не бежал сломя голову за полицейским или армейским патрулём.

На углах некоторых домов я заметил слегка колыхавшиеся под ветром флаги. Трёхцветные чёрно-жёлто-красные с круглым гербом в виде молотка и циркуля с венком из колосьев по центру, государственные флаги ГДР и красные флаги с интересной, полузабытой символикой. По центру в овале две сцепленные в рукопожатии пятерни (либо нарисованные жёлтым контуром на флаге, либо в белом овале с синей окантовкой и какими-то буквами по краю на фоне красного знамени, при этом сами руки были жёлтого цвета), а выше и ниже эмблемы жёлтая надпись «Sozialistische Einheitspartei Deutschland». Ага, стало быть, это было партийное знамя СЕПГ, немецкой компартии из ГДР. Кое-где дополнительно висели ещё и синие флаги, где по центру был изображён щиток с жёлтым восходящим солнцем на синем фоне, над которым на чёрном фоне желтели три буквы «FDJ». Это тоже было смутно знакомо – официальный флаг Союза свободной немецкой молодёжи, гэдээровского аналога нашего комсомола.

Для меня интереснее было другое: а с чего бы это вдруг весь город украшен флагами? По случаю моего прибытия?

Я припомнил кое-что из прошлого и мысленно ругнул себя за дырявую память – ведь на дворе 25 апреля, а значит, скоро Первомай, который в ГДР всегда отмечали достаточно широко.

Видимо, основательные немецкие коммунисты имели привычку готовиться к празднику международной солидарности трудящихся, что называется, «с запасом».

Согласно данным мне работодателями инструкциям, мне надо было выйти на площадь с кирхой (или это у них здесь было чем-то большим, вроде, скажем, собора?), а затем свернуть в первый переулок налево.

До места поворота я уже дошёл. При этом в глубине этой же площади кроме кирхи наличествовало и некое официальное здание с казённого вида вывеской у входа (прочитать её с такого расстояния я не смог) и часами под крышей. Какая-нибудь мэрия или горком СЕПГ?

Между прочим, на часах было 18 часов 28 минут. Вот и узнал по ходу дела истинное местное время...

У входа в казённое здание были припаркованы две легковушки (одна побольше, чёрная, похожая на «Опель-Капитан», вторая тёмно-синяя уже знакомой мне марки «Вартбург»), с которыми соседствовали мотоцикл с коляской и зелёный тентованный ГАЗ-69. Возле «газика», явно поджидая кого-то, прохаживался молодец в форме народной полиции.

Хотя фольксполиций и не смотрел в мою сторону, я предпочёл как можно быстрее свернуть в нужный переулок. На ходу я снял часы и перевёл их на правильное время. Мало ли что.

Через пять домов я наконец увидел то, что мне было нужно.

А именно двухэтажное здание, на первом этаже которого были две большие застеклённые витрины с одетыми в костюмы и пальто мужскими и женскими манекенами, сделанными, судя по всему, из папье-маше, но не без некоторого изящества.

Над входом наличествовала вывеска со словами «Schneider», «Nahwerkstaft» и надписью поменьше «J. Teodor». То есть, надо полагать, портной и швейное ателье либо мастерская, в зависимости от нюансов перевода с наречия Бисмарка и Хонеккера на язык родных осин. А

«Теодор» – это, видимо, фамилия владельца, указывающая на то, что мелкий частный бизнес здесь ещё не разогнали и не прижали «к ногтю». Хорошо это или плохо – фиг его знает. В принципе, можно было поздравить себя, любимого – фактически полдела было сделано. Я вполне благополучно добрался до места.

Хотя ещё не вечер и, возможно, внутри ателье меня уже поджидала какая-нибудь нервно поглаживающая пистолеты и наручники опергруппа. А зная о том, какой груз я тащу в рюкзаке, могли обойтись и без опергруппы. Правда, если бы меня попытались застрелить, зарезать или задушить, я вместе с золотишком немедленно оказался бы «в исходной точке отправления». Это, безусловно, был бы номер. Кстати, а может быть, мне взять, да и застрелиться самому и, таким образом, прикарманить золото? Инстинкт подсказывал, что делать этого всё-таки не стоит, поскольку «работодатели» явно не простят мне подобных фокусов...

Однако тут неизвестные злыдни могли обойтись и без смертоубийства – просто подкараулить меня в каком-нибудь тёмном переулке, дать по башке до того, как я успею вытащить пистолет, обшманать, забрать золото и незаметно уйти. Но это только если о моём появлении знает кто-то лишний, что маловероятно.

Правда, чисто визуально на возможную опасность ничего вокруг не указывало. За витринами, внутри ателье, горел мягкий свет, но людей в помещении видно не было.

Я ещё раз посмотрел на вход и вывеску, оглянулся, проверил, снят ли с предохранителя ТТ в моём левом кармане, а потом толкнул ручку двери и решительно шагнул внутрь. Коротко телебенькнул колокольчик над входом, явно связанный с дверью. Европа, традиции, однако, мать их так...

И сразу же на входе я, что называется, оконфузился. Там была довольно высокая ступенька, а пол какой-то слишком гладкий (а может, и натёртый). Поэтому, как только я сошёл со ступеньки правой ногой, потёртая подошва моего сапога встала на пол как-то криво. В результате мои ноги поехали по полу в разные стороны, и я поскользнулся. Хорошо, что не упал. Восстанавливая равновесие, я машинально матюкнулся в голос, на великом и могучем наречии помянув всуе простым русским словом доступную персону женского пола.

Называется, выдал себя, причём непроизвольно и в первый же ключевой момент, совершенно по-идиотски.

Что тут сказать – разведчик из меня, как из дерьма противотанковая ракета. Хотя уж на что был крут штандартенфюрер Штирлиц, он же полковник Исаев, а ведь всё равно прокололся на каком-то шивом чемодане. Очень надеюсь, что никто моих ебуков не слышал и сочинять на ходу отмазки мне не придётся.

Внутри ателье действительно не было ни единой живой души. Заднюю стенку помещения, куда я попал, почти перекрывала высокая деревянная стойка. Помню подобное опять-таки по детству, в разных там бюро ремонта обуви или бытовой техники. Только у нас такое делали не из натурального дерева, как здесь, а из всякого хлама вроде ДВП или ДСП.

За стойкой был задёрнутый зелёной занавеской вход. По-видимому, в рабочие помещения. У стены справа была оборудована примерочная – задёрнутый шторами с трёх сторон прямоугольник с вешалкой, стулом и висящим на стене большим (в человеческий рост) зеркалом.

На стене слева висело ещё одно, овальное зеркало чуть поменьше и несколько больших цветных плакатов (правда, качество печати было так себе, заметно зернистое) с образцами моделей одежды. В основном это были женские пальто и костюмы, подписи на плакатах гласили, что это модели осенне-зимнего сезона 1961–1962 гг., то есть практически «последний писк моды».

Слева в центре помещения, между входом и стойкой, стояли низкий квадратный столик и два жёстких плетёных кресла. Видимо, для ожидающих клиентов, которые тут могли при желании и кофею испить. Ещё я рассмотрел лежащую на столике пару ярких, явно модных

журналов. Причём верхний был со знакомым логотипом «Бурды». Надо же... Хотя чего я удивляюсь, он же с конца 1940-х выходит...

Два больших круглых плафона под потолком заливали ателье ровным, не раздражающим глаз светом. Уютно здесь было и, как мне показалось, безопасно.

Подойдя к стойке, я уже хотел было постучать по ней (хотя звон входного колокольчика должны были по-любому услышать), но в этот самый момент бордовая штора позади стойки колыхнулась, и из глубины швейного заведения показался толстый усатый мужик неопределённого возраста в толстых очках с золочёной оправой, который, очень может быть, украдкой наблюдал за мной ещё до момента, когда я вошёл. Разных там скрытых телекамер в те времена, конечно, ещё не было, но какие-нибудь потайные щёлочки и дырочки использовались для наблюдения во все времена, ещё с древности.

Вышедший ко мне мужчина был облачён в коричневый жилет на трёх пуговицах с атласной спиной, тёмные брюки и чистейшую белую рубашку в синюю полоску. Галстук на его шее был завязан каким-то уж слишком хитрым узлом – лично я так точно никогда в жизни не завяжу.

Надо полагать, это и был хозяин заведения, то есть именно тот, кто мне нужен.

Во всяком случае, данные мне подробные устные инструкции гласили, что мне надлежало вступить в диалог именно с «мужчиной, стоящим за стойкой», хотя и без указания точных примет последнего.

С минуту я разглядывал его, а он меня. На вид хозяину заведения можно было дать и пятьдесят, и семьдесят лет. Колоритный мужик: седая шевелюра зачёсана назад, высокий лоб, тёмные глаза и густые брови в стиле позднего Леонида Ильича Брежнева. В лице определённо что-то южное, определённо не немец, но точно не еврей. Грек какой-нибудь? Или цыган? Но фамилия на вывеске, что характерно, вовсе не греческая...

– Guten Abend, – проворковал мужик.

– Guten Abend, – ответил я, словно попугай, ловя на себе насмешливый взгляд этого прикидывавшегося портным связного.

– Чем могу служить? – поинтересовался мужик и улыбнулся.

И здесь я, наконец, выдал длинную, заученную фразу на немецком о том, что какая-то там тётя Ангелика приболела и зайдёт за своим заказом только в следующую пятницу.

Это и был пароль.

Мужик заулыбался ещё шире, после чего поблагодарил меня, пожелав тёте скорейшего выздоровления и посоветовав ей заходить за заказом в пятницу, ближе к вечеру.

Это был отзыв, который был произнесён им тоже вполне себе правильно. У меня сразу отлегло от сердца.

И пока я воскрешал в памяти свой скудный немецкий словарный запас, мужик, всё так же хитро улыбаясь, неожиданно спросил меня по-русски:

– Молодой человек, вы, когда вошли, действительно сказали что-то по-русски или мне так показалось?

Как говорится, сюрприз. Значит, он всё-таки расслышал произнесённое мной ругательство. Н-да, вот это провал так провал...

Мужик сказал эту фразу по-русски вполне чисто, но с каким-то незнакомым акцентом. Прибалты или поляки так точно не говорят, не говорят так и хохлы с евреями (даже принимая во внимание употребление им связующего словечка «таки») либо гибрид первого со вторым (ну, то есть то, что у нас в стране обычно вкладывается в понятие «одессит»).

– Нет, – охотно ответил я, здраво решив не запыряться, раз уж всё равно выдал себя. – Вам не показалось.

– То-то я думаю – что-то знакомое. А вот в чём тут дело, не пойму... Действительно, немецкий-то у вас так себе. Вы что, русский?

Сказав это, он посмотрел на меня как-то особенно подозрительно.

– Нет, я словак, – начал я врать, стараясь быть убедительным. – Но я десять лет прожил в СССР и говорю на русском, как на своём родном.

– Понятно, – кивнул мой собеседник с некоторым, как мне показалось, облегчением и тут же спросил: – А документики ваши позволите полюбопытствовать?

– Легко, – ответил я и достал из кармана куртки паспорт. Предъявлять удостоверение липового спецслужбиста я разумно счёл преждевременным.

– Ага, – сказал мужик, возвращая мне документ после краткого просмотра. – Значит, Ярослав Немрава, чешский подданный... Ну что же, если не возражаете, давайте тогда и дальше беседовать на русском. А то я, знаете ли, не говорю по-чешски, а вы, судя по всему, владеете европейскими языками довольно посредственно...

– Не возражаю, – ответил я. Да кто бы, чёрт возьми, сомневался в его последнем утверждении? Ёжику понятно, что успешно сданный когда-то кандидатский минимум по немецкому языку без весомой разговорной практики – просто тьфу и растереть...

– Ну, будем знакомы, – сказал мужик, протягивая мне руку. – Я Иоганн Теодор, хозяин этого ателье, ну и по совместительству решатель некоторых мелких, но щекотливых вопросов и проблем...

Я пожал протянутую руку этого «решателя вопросов», попутно вспоминая, что в фильмах подобным невинным образом свой род деятельности обычно характеризуют отпетые мафиози, от токийской якудзы до каких-нибудь колумбийских наркобаронов включительно.

Ладонь хозяина была мягкая, а вот пальцы у моего знакомого были несколько огрубевшими. Он тут что, действительно лично швейным делом занимается?

– А вы-то откуда русский знаете? – поинтересовался я в свою очередь.

– Эх, молодой человек... Когда-то очень давно, практически в другой жизни, меня звали Ион Теодореску. А родился я в Российской империи, в городе Кишинёве. Ну а в 1919-м, когда пришли румыны, наша семья переехала на жительство в Бухарест.

– То есть вы потомственный портной? – уточнил я. – А здесь-то вы как оказались? Как говорится, где тот Бухарест, а где Баден-Вюртемберг?

– Это очень долгая и грустная история, молодой человек. Признаюсь, что швейное ателье я содержал не всегда. Всё больше по торговой части, разный там импорт-экспорт. Ну а что касается остального... Мой старший сын в прошлую войну был офицером королевской армии. Сначала он, как и все румыны, воевал против русских, а потом против немцев и венгров. В начале 1945-го, уже в Австрии, он попал к ним в плен. Освобождён был англичанами, но возвращаться не захотел, остался в Западной Германии. Кое-как прижился. Ну а в 1949-м сюда перебрались и мы...

Не знаю, врал он мне или нет. И вообще с чего он был столь откровенен с человеком, которого видел в первый раз? После обмена паролем и отзывом решил, что я свой в доску, или обрадовался встрече с «родственной душой»? Всё может быть...

Хотя, если он не врал, получалось, что этот самый Ион Теодореску и компания смотались из Румынии как раз в момент, когда она стала социалистической. То есть можно легко предположить, что коммунистов с их пресловутыми колхозами, где все женщины общие, мой собеседник может откровенно недолюбливать. Чувствую, не зря он мою национальность уточнял, ох, не зря. Похоже, в дальнейшем мне следовало это учитывать.

– И как вам здесь? – спросил я.

– Эх, молодой человек. Все знают, что хорошо там, где нас нет. Летом 1944-го я один раз уже был свидетелем того, как в Бухарест входила Красная Армия. В жизни не видел столько танков одновременно, они шли непрерывно, несколько суток. Тогда-то я понял, что Гитлер, а с ним и Антонеску, похоже, сделали большую глупость, напав на Советскую Россию. Ну, а когда я перебрался сюда, думал, что больше такого никогда не увижу. Казалось бы, всем уже можно

было вполне спокойно жить и торговать, по крайней мере здесь, в Европе. Но кто же знал, что эти чёртовы союзники затеют новую войну, а потом вообще сойдут с ума и начнут бросать атомные бомбы на корейцев с китайцами, а затем и на русских, думая, что те не поступят в ответ точно так же? Я не знаю, чем думали американцы, затевая всё это. И ведь в конце концов даже атомные бомбы им не помогли. И исключительно из-за их глупости я имел удовольствие ещё раз видеть Красную Армию со всеми её танками, только теперь уже здесь...

– Собираетесь уехать дальше?

– Во-первых, из ГДР, в которой я сейчас имею удовольствие жить, не так-то просто уехать. А потом куда, собственно? Да и зачем? Теперь дальше ехать уже, похоже, некуда. Разве что в бывшие африканские колонии или в Южную Америку. Но всё это хлопотно, дорого, и к тому же нет никаких гарантий того, что Красная Армия когда-нибудь не придёт и туда...

В этот момент мой собеседник, похоже, понял, что слишком разоткровенничался (или делал вид, что разоткровенничался), спохватился и озабоченно спросил:

– Так о чем это я? Ах да, насколько я понимаю, у вас ко мне дело, молодой человек?

– Так точно.

– То, что вы должны были мне передать, при вас?

– Да.

– Ого, – сказал он. – Да вы, как я погляжу, рискованный молодой человек. Пройдёмте со мной.

Я последовал за ним, и мы зашли за стойку. Миновав зашторенный вход, сначала мы попали в помещение, которое действительно было швейной мастерской или ателье.

Там были несколько швейных машинок, оверлок, большой стол для раскроя, несколько столов поменьше, две гладильные доски, много разнокалиберных утюгов и манекены в виде человеческих бюстов (как мужских, так и женских) на подставке, вроде вешалки. На некоторые манекены были натянуты фрагменты туалетов, некоторые из которых находились, что называется, «в процессе». На портняжных столах лежали выкройки, сантиметровые ленты, иголки-булавки, катушки ниток, рулоны и куски различной ткани и прочие портновские причудалы.

– Вы что, один тут работаете? – поинтересовался я, понимая, что лучшего прикрытия, чем подобное заведение (а ещё кабак или гостиница), для тех, кто по-тихому обделывает разные тёмные делишки, придумать сложно. Тем более что заказы у них, похоже, были, а значит, бизнес худо-бедно шёл.

– Нет, а с чего вы взяли?

– А если не один, тогда почему больше никого из персонала нет?

– Законный вопрос, молодой человек. Но сегодня суббота, и на примерку или за заказами никто прийти не должен. А поскольку я был заранее предупреждён о вашем появлении, то разумно отпустил своих сотрудников домой пораньше.

Видимо, этим же объяснялось и отсутствие персонала на бензоколонке. Оно и понятно, при социализме в свои законные выходные народ не очень-то стремился перерабатывать.

– Понятно, – сказал я. – Вы чертовски дальновидны. Кстати, а с чего это ваш город украшен флагами? Власти готовятся к Первому мая?

– Странно, что вы этого не помните, молодой человек. Вообще-то не далее как вчера отмечалась годовщина запуска русскими первого трабанта...

Здесь до меня как-то не сразу дошло, что «Трабант» по-немецки в первую очередь означает «спутник», а уже потом название производившейся в ГДР малолитражки с кузовом из дуропласта (местный вариант стеклопластика). А когда я наконец понял смысл сказанного моим новым знакомым, то чуть не открыл рот от удивления.

Вот тебе и на. Значит, первый искусственный спутник Земли здесь, у них, запустили 24 апреля 1961 года, почти на четыре года позже, чем в нашей реальности. Но ведь запустили же! То есть даже Третья мировая со всеми её атомными бомбардировками и прочим комплек-

сом дестабилизирующих мероприятий не смогла сорвать советскую ракетно-космическую программу, всего лишь слегка сдвинув сроки пусков.

Ну, если так пойдёт и далее, года через два-три на орбиту, пожалуй, полетит и первый космонавт. Что же, выходит, что здесь действительно запущено далеко не всё. Что скажешь – молодцы соотечественники. Правда, интересно, как в этой связи обстоят дела с ракетами и спутниками по другую сторону Атлантики...

– Извиняюсь, замотался, – сказал я виновато. – Работа нервная, вот и забываю исторические даты.

Честно признаюсь, прозвучало это в моих устах как-то неубедительно. Но мой новый знакомый только вежливо улыбнулся на это.

– Кстати, а в газетах не пишут, как дела со спутниками у американцев? – тут же поинтересовался я, продолжая неталантливо прикидываться гофрированным шлангом от противогаза.

– Информация из-за океана до нас сейчас почти не доходит. Хотя купить некоторые попадающие к нам в Европу с большим опозданием южноамериканские газеты проблемой не является. Только их чтение мало что даёт. У американцев с некоторых пор установлена жёсткая цензура, и выглядят они какими-то озлобленными. Соответственно, какими-то своими реальными успехами они ни в газетах, ни по радио особо не хвалятся. Зато всё время болтают и пишут о том, что, с одной стороны, им теперь нет никакого дела до Европы, которая оказалась неблагодарной, предала их, обманула надежды и задолжала им много денег. А с другой стороны, они постоянно напоминают о том, что рано или поздно они страшно отомстят «проклятым комми» за всё... Кстати, состоявшийся 22 февраля этого года запуск второго по счёту русского спутника почему-то уже не отмечался столь широко, как запуск первого. Похоже, русские дают понять, что теперь это станет вполне будничным явлением...

За этими разговорами хозяин ателье, отчаянно лавируя между гладильными досками и столами с шитьём, провёл меня через швейную мастерскую, распахнув дверь в её задней стене. Мы прошли по недлинному чистенькому коридору и, открыв ещё одну дверь, оказались в одной из задних комнат здания, в помещении, метражом сильно меньше швейной мастерской, загромождённом кожаным диваном и несколькими расставленными по углам и вдоль стен платяными шкафами.

Прикрыв за собой дверь, хозяин многозначительно кивнул, давая понять, что «уже можно».

Я немедленно скинул с плеча рюкзак, достал оттуда свёрток с номером «Один» и молча вручил ему.

Он посмотрел на брезент, взвесил этот «подарочек» в руках, хмыкнул, но разворачивать при мне всё-таки не стал.

– Одну минуточку, – сказал он и куда-то вышел. Вернулся он буквально через пару минут и уже без свёртка. Видимо, по-быстрому упрятал золотишко в сейф или в какой-нибудь тайничок. Чётко работает, надо признать. Чувствовалось, что человек на своём месте и занят любимым делом. Интересно только, что он лучше умеет на этом поприще – складывать и умножать или делить и отнимать?

Я ждал его возвращения, продолжая стоять посреди комнаты, где из-за многочисленных шкафов было очень тесно.

При возвращении хозяина ателье невольно возникла немая сцена, во время которой почтенный господин (или всё-таки товарищ?) Теодореску начал разглядывать меня с ног до головы, так, словно увидел впервые.

– Так, молодой человек, – сказал он наконец. – Честно говоря, я не представляю, как именно вы сюда добирались. Лично у меня складывается такое впечатление, что вас накануне скинули с парашютом и вы довольно долго продирались через кусты. Так вот, что я хочу вам сказать – ваша одежда, может быть, и подходит для того, чтобы шляться в ней по лесам, горам

и болотам где-нибудь восточнее Одера, но здесь, в Европе, вас в такой, с позволения сказать, «экипировке» с вероятностью девяносто процентов остановит первый же армейский или полицейский патруль из чисто профилактических соображений. И, кстати говоря, патрульные будут совершенно правы. В конце концов, поскольку полноценного мира между русскими и американцами всё ещё нет, сейчас всё-таки сохраняется военное положение. Конечно, особенно строго с этим западнее нас, ближе к побережью: там проходят постоянные проверки паспортного режима, действует комендантский час и прочее. Но тем не менее...

Если бы он знал, насколько прав, особенно насчёт моего шатания по кустам...

– В общем, – продолжил свой монолог Теодореску. – Вон там, в тех двух шкафах, висит кое-какая мужская одежда, которая должна подойти вам, при вашей комплекции. Пока у нас есть время, подберите себе что-нибудь более подходящее для повседневной жизни, чем ваше нынешнее облачение. А я пока пойду свяжусь с тем, кто должен вас здесь встречать. За вами приедут быстро, но, возможно, пару часов придётся подождать...

Н-да, иногда рояли в кустах – очень полезная вещь. Я не стал спорить и полез в первый из указанных радушным хозяином шкафов.

Ну а Теодореску тем временем пошёл звонить. Как я понял, куда-то недалеко, в соседнюю комнату. Я метнулся к двери и прислушался. Стены здесь были тонкие, да он особо и не старался таиться при разговоре, хотя и предпочёл говорить по-французски (Теодореску не мог знать, что я и на этом языке кое-что разбираю). Так или иначе, я сумел расслышать и понять только отдельные знакомые слова: «Ваш гость», «Прибыл», «Да», «Один», «Хорошо».

Поняв, что ничего опасного Теодореску мне не готовит, я вернулся к шкафу и продолжил изыскания. Да, в указанных шкафах действительно была мужская одежда различных размеров, чисто постиранная и отглаженная. При этом пулевых, ножевых или осколочных отверстий, следов застиранной крови или штопки на местах свежих дыр не было. То есть вещи были явно не с покойников и точно не из лавки старьевщика.

А нахождение здесь подобного «вещевого склада» можно было объяснить просто. В военные и прочие смутные времена крепкая одежда и обувь всегда были хорошим товарным эквивалентом при натуральном обмене наряду с продуктами питания.

Возможно, Теодореску не только шил одежду, но ещё и приторговывал «готовым платьем», либо использовал шмотки в тех же самых бартерных сделках. Да и для разных криминальных надобностей радикально и моментально переодеть кого-либо при наличии столь обширного резервного гардероба проблемой точно не являлось...

В общем, приодеться мне действительно удалось. Полных мужских костюмов из брюк и пиджаков в шкафах, что характерно, не было (видимо, у хозяина этот товар проходил по какой-то другой категории), как не было и нижнего белья.

Хотя большой проблемы это не составляло – майку, трусы и носки я оставил свои, благо у меня с собой был небольшой запас бельишка, разумеется, начисто лишённого какой-либо маркировки. Эту предосторожность мы все по голливудской киноклассике помним – забудешься на секунду и не заметишь, как тебя вдруг начнут звать Келвином Кляйном...

Из числа пришедшихся мне впору брюк я отобрал две пары – тёмно-серые и чёрные. Чёрные свернул и убрал в рюкзак, серые сразу же надел, при этом ремень для них я выдернул из своих брезентовых штанов. Также выбрал пару пришедшихся мне впору клетчатых рубашек (одну поспешил надеть), тонкий серый свитер и коричневую водолазку. Запасные части гардероба я тоже убрал.

Кроме того, в шкафу мне приглянулась короткая тонкая кожаная куртка, типа пилотской, в которой меня особенно привлекло наличие двух больших и прочных внутренних карманов, куда я незамедлительно переложил пистолет и документы.

Когда я уже полностью облачился в брюки и рубашку и, застёгивая ширинку, стоял посреди комнаты в одних носках, вернулся Теодореску. Непонятно, чем он был занят. Я явственно слышал, что телефонный разговор он закончил уже довольно давно.

– Ярослав, какой у вас номер обуви? – спросил он, безразлично глядя на сложенные на диване детали походно-полевого прикида, в котором я здесь появился.

– Сорок четыре – сорок пять, – ответил я.

– Геракл, – уважительно хмыкнул хозяин и опять ушёл куда-то в задние комнаты.

Вернулся он через пару минут с высокими ботинками на толстой подошве в руках. Ботинки были тёмно-коричневые, высокие, на шнуровке, явные берцы армейского образца, то ли американские, то ли английские. По-моему, во время Второй мировой войны нечто подобное носили парашютисты союзников.

– Примерьте, молодой человек, – предложил он.

Я натянул ботинки, завязал шнурки, встал и немного потопал по полу. Вроде нигде не жало, они были вполне впору, словно по моим ногам и шились.

Теодореску критически и одновременно иронически посмотрел на мои стоящие на полу комнаты грязноватые, поношенные кирзачи, в очередной раз усмехнулся и унес эти говнодавы вместе со снятой мною одеждой куда-то в соседнюю комнату. Похоже, у него в хозяйстве решительно ничего не пропадало.

Пока он ходил, я натянул на себя кожаную куртку.

Когда хозяин вернулся, он пришёл не с пустыми руками.

– Это тоже вам, – сказал он.

В руках у него была вполне модная тёмно-серая шляпа.

Никогда в жизни я не носил шляп. Но здесь так, наверное, было принято. Я примерил непривычный головной убор. Зеркало здесь было небольшое, прикрученное к внутренней стороне двери одного из платяных шкафов. Я посмотрел на себя – из глубины полированной стеклянной поверхности на меня глянула этакая пошлая пародия на Индиану Джонса, какой-то провинциальный театр юного зрителя – в шляпе, но без кнута и с откровенно рязанской харей.

Хорошо, что здесь этот спилберговский фильм ещё не видели (и у меня есть подозрение, что теперь не увидят вообще никогда), а то могли бы неправильно понять.

– У вас здесь что, – спросил я, критически осмотрев своё отражение в зеркале, закрывая шкаф и снимая его подарок. – Как в фильмах про Дикий Запад, не принято ходить без сапог, шляпы и «кольта»?

– Отнюдь. Просто так солиднее. Кстати, вам идёт. Да, забыл сказать – за вами уже выехали.

– Я вам что-нибудь должен за шмотки? А то если что – деньги у меня есть...

– Да бог с вами, молодой человек. Считайте это просто маленькой заботой о вашей безопасности, проявленной с моей стороны. А пока пойдёмте перекусим.

– Может, чего из моего употребим? – спросил я.

– А что там у вас? – неожиданно заинтересовался Теодореску. – Ну-ка, покажите.

Я выложил из рюкзака свой «малый продовольственный набор», в который входили всего лишь ржаные сухари, посушенные мной лично из буханки чёрного хлеба ещё дома, в духовке, и три банки говяжьей тушёнки с напрочь отсутствующей маркировкой.

– Э-э, – сказал мой радушный хозяин. – Лучше давайте-ка всё это сюда, молодой человек. Голодать вам здесь точно не придётся, а вот обыскать вас, причём совершенно неожиданно, вполне могут. И при обыске кое-кто может счесть эти консервы армейскими и краденными. А за хищение армейского имущества сейчас можно загреметь по полной... Зачем вам лишние проблемы? Так что, с вашего разрешения, я всё это уберу.

Возражать я не стал, но металлическую, армейского образца флягу со спиртом я от него всё же утаил. Мало ли.

Между тем Теодореску сгрёб мои харчи в руки и пригласил следовать за собой. Прихватив свой рюкзачок и шляпу, я охотно подчинился.

Мы вышли во всё тот же коридор и зашли за одну из дверей. При этом я прикинул – никаких явных лестниц на второй этаж нигде не было видно, а это значило одно из двух. Либо лестница на второй этаж была где-то вдалеке от особо любопытных глаз, либо второй этаж этого дома моему знакомому не принадлежал. Правда, спрашивать хозяина об этом я не стал.

Следом за Теодореску я вошёл в комнату, где стояли стол, четыре стула, шкаф с посудой и маленький холодильник винтажного вида (со скруглёнными углами и хромированной ручкой двери, похожей на автомобильную), мерно тарахтевший в углу.

Хорошо, когда в доме есть электричество, особенно в такое вроде бы лихое время. Кстати, не похоже, что они тут испытывают какие-то затруднения по этой части. Вопрос только, откуда они его здесь получают? Конечно, с сибирской или румынской нефтью здесь ничего плохого вроде бы не произошло, но если вспомнить, сколько мегатонн положили на нефтеносный район Баку (судя по картам, которые мне подсунули работодатели), можно предполагать серьёзные проблемы с поставкой того же мазута. Хотя, похоже, европейская энергетика от этой войны сильно не пострадала, а в 1950-е большинство местных ТЭЦ точно работали на угле, а не на мазуте. А каменный уголь в Европе в те времена ещё не разучились добывать...

В другом углу, на тумбочке, кипел на электроплитке кофейник. Ну да, и самовар у них тоже электрический, и сами они довольно неискренние...

Видимо, именно здесь работники этого ателье имели обыкновение перекусывать или даже обедать.

Мой радушный хозяин быстро и бесшумно сервировал стол на двоих.

Признаю, что времена, когда, сидя где-нибудь в овраге, доедают, уплетая за обе щеки, дохлую лошадь, здесь ещё точно не наступили, но и не скажу, что хозяйский холодильник был набит битком.

Теодореску угощал меня по-европейски: тонкими и аккуратными бутербродами, на выбор, или с сыром, или с чем-то мясным. Нарезанный ломтиками бритвенной толщины мясной продукт был то ли ветчиной, то ли беконом какого-то своеобразного, довольно пресного копчения, да и масло в бутербродах было с явной примесью маргарина. То есть они тут точно не объедались. В качестве десерта прилагалась вазочка с не сильно сладким сухим печеньем.

Есть мне особо не хотелось, но вот выпить кофе, с целью немного взбодриться, было весьма кстати.

Надо признать, кофе у хозяина был неплохой, вполне натуральный, в маленьких чашечках из какого-то фарфора местного разлива. К кофе прилагалось и чисто символическое количество сливок в отдельной посуде, напоминающей соусник.

Перекусывали мы с хозяином в молчании. Сам я как-то не сообразил с ходу – о чём таком его ещё стоит спросить? А сам герр Теодореску, аккуратно ответив на все заданные мной вопросы, теперь явно предпочитал помалкивать. То ли я его особо не интересовал, то ли он свято исповедовал древний, особенно ценящийся в криминальной среде принцип «меньше знаешь – крепче спишь». Поэтому, поскольку ставни на единственном в этой комнате окне были закрыты снаружи, мне оставалось только молча разглядывать голубенькие обои с мелким цветочным рисунком на стенах комнаты да заключённую в фигурный плафон матового стекла лампочку под потолком.

Так, медленно жуя и прихлёбывая кофеёк, мы просидели в этой тишине, наверное, с полчаса. И наконец на улице, явно рядом с ателье, послышался очень слабо доходивший сюда звук работающего автомобильного мотора.

Потом шум мотора стих, а через несколько минут знакомо тренькнул колокольчик входной двери ателье.

– Пardon, – сказал хозяин, оставив кофейную чашку на стол. – Кажется, это за вами, молодой человек.

Быстро, однако, подсуетились. Чувствовалось, что меня здесь ждали, причём это касалось не только мутноватого во всех отношениях хозяина швейного ателье. И ждали практически с нетерпением...

Меж тем радушный хозяин поспешил удалиться в сторону швейной мастерской, откуда мы пришли накануне. Я на всякий случай проверил пистолет во внутреннем кармане – всё было в порядке, патрон в стволе, – обнажил и стреляй, как говорил один известный герой книги В. Богомолова.

Через несколько минут за дверями послышался приближающийся разговор двух человек, причём второй голос был явно женским. Это подтвердил и характерный стук каблуков дамских туфель, который стал чётко слышен в тишине коридора.

Открылась дверь, и в комнату, где мы с хозяином пили кофе, вошла вполне симпатичная темноволосая (цвет её волос я бы рискнул определить с ходу примерно как тёмно-каштановый) женщина лет тридцати. Невысокая и худенькая. На ней было модное голубое пальто прямого покроя, длиной чуть ниже колен, с двумя широкими клапанами карманов (уж не знаю, функциональными или декоративными были эти карманы) на талии. Каждый клапан был украшен одной большой пуговицей в тон пальто, с золотой каёмкой. Ещё по одной такой же пуговице располагалось на груди и на обшлагах рукавов.

Дополняли одеяние вошедшей женщины чулки телесного цвета, белые остроносые туфли на не слишком высокой шпильке, белые перчатки, сумочка и круглая шляпка, чем-то похожая на слишком аккуратную кубанскую папаху того же белого цвета.

Во всём облике незнакомки присутствовал неуловимый «аромат эпохи» (кстати говоря, и духи у этой дамочки были явно недешёвые французские – едва вошла, как тут же запахло), памятный по стилю Одри Хепберн и прочих актрис из знаменитых фильмов начала 1960-х, но, разумеется, без малейшего киношно-гламурного изыска.

Это моё впечатление проистекало из того, что при вполне правильных чертах лица у вошедшей женщины были несколько восточный разрез глаз и широковатые скулы. Так что при чуть более подробном и пристальном рассмотрении она напомнила мне уж никак не Одри Хепберн, а скорее нечто среднее между широко известной в узких кругах по месту моего отбытия Карлой Бруни и англоговорящей немецкой певицей из 1980-х по имени Дженнифер Раш (естественно, в том виде, в каком последняя светилась в клипах из своих лучших времён), разумеется, соответствующим образом одетую, покрашенную и причёсанную.

К тому же и нос у незнакомки оказался несколько длинноват и островат. Это я успел рассмотреть, когда, входя, она на несколько секунд повернулась ко мне немного в профиль. Так что физиономия у этой француженки была вполне себе космополитическая.

Войдя, женщина изящно и грациозно (словно для фотосессии сведя колени вместе и сдвинув ноги в одну сторону) присела на свободный стул и явно оценивающе оглядела меня, словно дворянка холопа или строгий командир-строевик нерадивого новобранца.

– Мы можем поговорить с ним один на один? – спросила женщина у товарища Теодореску почему-то по-русски, возможно, она хотела увидеть мою реакцию на «великий и могучий». Причём дамочка сказала эту фразу практически без акцента. Опять, что называется, сюрприз. Уж не знаю, приятный или нет. Воистину плюнь в этой Европе – и обязательно в русского попадёшь...

Хозяин ателье кивнул, вежливо улыбнулся (уже в который раз за сегодня) и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

– Так, – сказала женщина. – Шадель уже успел сообщить мне, что вы сносно говорите по-русски. Или он ошибся?

– Да, говорю, – ответил я, лихорадочно соображая, что бы это значило. Известные французские духи называются «Шанель», а отнюдь не «Шадель», и если она имеет в виду немецкое слово «Schadel», то это в переводе на русский обозначает не что иное, как «череп». Выходит, почтенный господин или товарищ Теодореску имеет в определённых кругах кличку «Череп»?!

Ну что же, само по себе это его хорошо характеризует. Кстати, внешне хозяин портняжного ателье ни на какого «Череп» совсем не походил, а значит, данная кликуха явно была получена им за какие-то вполне конкретные дела, о сути которых мне не хотелось ничего знать. Это что же такое должен был творить пусть даже и натуральный бандит, чтобы его среди своих стали называть «Черепом»? Скальпы снимал или головы рубил? А может, всё куда проще, просто у него где-нибудь на интимном месте мясистого тела наличествует татуха с черепом – «память о шпанистой юности»? Впрочем, проверить моё последнее предположение будет затруднительно: как-никак мы сейчас не в бане и не на пляже...

– Хорошо, – продолжила женщина, всё так же внимательно рассматривая меня. В свою очередь я в ходе этой игры в гляделки разглядел у неё в ушах явно недешёвые серьги с зеленоватыми камушками, практически под цвет глаз.

– Это многое упростит, – сказала незнакомка и наконец представилась: – Итак, будем знакомы, я Клаудия Воланта.

С этими словами она протянула мне свою руку в изящной белой перчатке.

Блин, её имя и фамилия были явно итальянскими, но вот откровенно космополитическая внешность моей новой знакомой им ну никак не соответствовала. Опять же, «Воланта» или «Воланте» в переводе с итальянского – это то ли «Воля», то ли какое-то производное от «Воли». То есть, в вульгарном русском переводе она получается Клавка Волина или, к примеру, Вольникова либо Волькина? Может, она вообще под чужой личиной живёт, раз уж определённо имеет какое-то отношение к местному преступному миру? Или не имеет? И, кстати, откуда она так хорошо по-русски балакает? Какая-нибудь перекрасившаяся дочь белоэмигранта?

– Ярослав Немрава, – представился я, ещё более лихорадочно соображая, пожать мне ей руку или всё-таки надлежит оказать совершенное почтение как-то иначе?

– Очень приятно, – выдал я наконец, склонив голову и слегка приложившись к её перчатке губами. Мы, конечно, не графья и даже не польские паны, но иногда, сугубо пользы для, всё-таки стоит поцеловать ручку женщине...

– О-о?! – заметно удивилась она. – Я вижу, галантные кавалеры на востоке Европы всё-таки ещё не перевелись?! Не скрою, это приятно. Так в чём же, дорогой Ярослав, суть дела, с которым вы ко мне прибыли?

Честно говоря, у меня всё ещё не было уверенности, что прибыл я именно к ней. В подобных делах цепочка посредников может быть куда длиннее, и вполне могло оказаться, что я второй раз за день бессмысленно беседую с «попкой», говорящим почтовым ящиком типа «подай-принеси»...

– Во-первых, до этого к вам обращался точно не лично я. А во-вторых, неужели вы совершенно не в курсе дела? – искренне изумился я.

– Разумеется, я в курсе, но вдруг с того момента, когда со мной впервые разговаривали на эту тему, у вас что-то изменилось? Напомните, если не сложно, всё-таки почти два года прошло...

Интересно, а у кого это «у вас»? Вот тут получался вообще полный тёмный лес, поскольку я действительно не знал, как представлялись и что говорили этой импортной Клаве те, кто приходил к ней до меня. Ведь они вполне могли назваться и спецслужбистами, и просто «охотниками за головами», которые работают исключительно за деньги. Ладно, раз пошла такая пьянка – будем импровизировать на ходу...

– Вообще-то нас, как и прежде, интересуют исключительно вот эти три почтенные персоны, – сказал я, встал из-за стола и полез в свой лежащий в углу рюкзачок, достав оттуда кон-

верт из плотной упаковочной бумаги, дальновидно притащенный с собой из будущего. После чего выложил на стол перед этой самой Клаудией (или как там её на самом деле?) три фото с физиономиями людей, которых работодатели предварительно представили мне как Брит Савнер, Роберта Нормана и Хуго Кофоеда. Я предусмотрительно отсканировал переданные мне оригиналы фотографий, сделал их чёрно-белыми и перед распечаткой слегка состарил «под ретро». На мой взгляд, конечный результат получился вполне убедительным.

– При всём при этом, – продолжал я, глядя, как женщина по имени Клаудия без особого интереса рассматривает снимки, – мне надо будет обязательно задать каждому из них кое-какие вопросы. То есть желательно, чтобы эти трое были захвачены живыми. В состоянии, пригодном для допроса...

– Да, знакомые лица, – констатировала Клаудия, сложив фотки очень тонкой колодой и бросив их на стол.

– Значит, основные требования остались прежними. Я так понимаю, аванс при вас?

– Естественно.

Сказав это, я увидел в её глазах тень удивления, чуть раньше примерно то же самое было и с почтенным Теодореску.

– Это хорошо, – сказала моя новая знакомая и, видя, что я опять собираюсь лезть в рюкзак, добавила: – Пока не доставайте, не надо. И ради бога, помалкивайте об этом, особенно при нашем друге Шаделе.

– Так он же вроде как получил свою долю?! – искренне удивился я. – Или ему причитается что-то ещё?

– Получил, и ладно. А вот подробности наших с вами дел этого торговца совершенно не должны касаться. Кстати, а на паспорт ваш можно посмотреть?

– Да ради бога, – ответил я, второй раз за день доставая «папир» из внутреннего кармана куртки. – Пожалуйста. А что такое?

– Видите ли, дорогой Ярослав. Сейчас мы с вами отправимся через границу, во Францию. И если документы у вас по какой-то причине не в порядке, нам придётся как-то решать этот вопрос. А это займёт какое-то время, при том, что сегодня мне очень не хочется здесь задерживаться...

Говоря это, Клаудия внимательно пролиставала мой здешний паспорт. Перчаток она при этом, что характерно, снимать не торопилась. Тоже привычка?

– Да нет, всё в порядке, – сказала она с явным облегчением, возвращая мне документ, и предложила: – Едем?

– А что, у меня есть хоть какие-то другие варианты?

– Разумеется, нет.

С этими словами она встала и вышла из комнаты. В дверях опять возник господин Теодореску, он же Череп. Я закинул рюкзачок за плечо, нахлобучил на затылок шляпу и направился следом за ним.

Недостоверный портной проводил меня до выхода из ателье. Думаю, с точки зрения конспирации нам следовало бы уйти из ателье через какую-нибудь заднюю дверь. Но как знать, может, Теодореску куда проще потом выдавать визитёров определённого рода, вроде нас с этой самой Клавой, за самых обычных клиентов, зашедших примерять пальто или брюки?

– Было приятно иметь с вами дело, молодой человек, – сказал он мне, прощаясь.

– Мне тоже, – ответил я и вышел из его ателье на улицу. Колокольчик над входом прощально брякнул мне вслед.

На улице уже стемнело, апрельскую ночь разнообразили тусклые огоньки уличных фонарей и редкие освещённые окна домов. Когда мои глаза немного привыкли к окружающей полутьме, я увидел, на чём приехала моя новая знакомая, и по-настоящему умилился.

Мля, это же BMW «Изетта»! Ещё одна модная в те годы немецкая, очень бюджетная малолитражка, уже не мотоколяска, но и не вполне автомобиль. Короткий округлый кузов, чем-то похожий то ли на булку, то ли на старинный пылесос (в данном случае светло-голубого цвета) на четырёх колёсах, движок сзади и всего одно сиденье, на котором свободно размещались два взрослых человека не самой упитанной комплекции (в перегруз можно было втиснуть ещё и одного ребёнка, благодаря чему хитрожопые продавцы конца 1950-х позиционировали «Изетту» как дешёвый семейный автомобиль и лучший транспорт для домохозяек – в булочную ездить), но самое главное – единственная дверь, в качестве которой выступала откидываемая влево вместе с рулевой колонкой передняя стенка кузова. Разумеется, в ФРГ и Италии тогда выпускали и удлинённые варианты «Изетты», рассчитанные на четырёх взрослых и одного-двух детей, со вторым рядом сидений и двумя дополнительными дверями, но то, что я видел перед собой, было самым обычным двухместным вариантом этого автомобильчика.

Надо же. И ведь ездили люди, и никто не жаловался...

Клаудия уже сидела на водительском месте и махала мне ручкой, явно приглашая садиться. Две смешные круглые фары по сторонам откинутого в сторону передка машинки уже горели вполнакала. Перешагнув через хромированный передний бампер, я сел справа от водителя. Внутри «Изетты» было вполне комфортно, но всё выглядело каким-то непривычно маленьким.

Клаудия закрыла передок, завела мотор, и мы поехали.

Честно говоря, я всю жизнь мечтал прокатиться на такой штуковине, но промолчал, решив не выражать восторга публично. А то, чего доброго, эта автоледи меня неправильно поймёт...

– Оружие у вас сейчас при себе есть? – спросила Клаудия, сворачивая в очередной переулочек и не отрываясь от баранки.

– Да. Пистолет.

Она кивнула, продолжая молча рулить. Здешние городские улицы были узкими и даже при отсутствии встречного транспорта и очень малых габаритах «Изетты» требовали от водителя дополнительного внимания.

Попетляв по улицам минут пятнадцать (у меня почему-то было стойкое ощущение, что Клаудия высматривает в зеркало заднего вида, нет ли за нами «хвоста»), мы выехали на окраину города, где дорога была намного шире.

Движение здесь было чуть оживлённее. Сначала нас обогнал тупоносый грузовик-полупортка с какими-то бочками в кузове, а затем навстречу нашей «Изетте» попался небольшой броневичок, очень характерной, гранёной формы.

Сначала я даже подумал, что это наш родной БА-64Б, но потом вспомнил, что эта выглядящая куда более крупной машина была восточногерманским полицейским броневиком SK-1, представлявшим собой скопированный с БА-64, увеличенный в размерах не менее чем вдвое, остроносый корпус, поставленный на шасси дизельного грузовичка «Робур-Гарант».

Верхний люк в башенке броневика (ещё одно существенное отличие – у БА-64 башня была без крыши) был откинут, и над тонким стволом пулемёта ДТ просматривалась голова в ребристом танкошлеме знакомого советского образца.

Броневик проследовал мимо, не сбавив скорости и не проявив к нашей машинке никакого внимания, хотя, наверное, это явно были какие-нибудь патрульные – кто, кроме них, стал бы разезжать по городу ночью?

Между тем мы проехали через весь Кайзерштадт, но не в ту сторону, откуда я появился в этом городке днём, а в противоположную.

Оказавшись за городской чертой, мы проехали несколько километров по обсаженной деревьями дороге, а затем свернули и остановились у нескольких по-немецки аккуратных стро-

ений под угловатыми крышами. Это был какой-то сельский дом типа фермы, с надворными постройками, возле которых просматривался небольшой колёсный трактор.

– Так, – наконец нарушила молчание Клаудия, заглушив мотор. – Давайте-ка сюда ваше оружие и то, что привезли с собой. Ещё что-нибудь ценное у вас при себе есть?

– Культурно выражаясь, «некоторая сумма бумажных денег». А что такое?

– Надеюсь, вам не надо напоминать, что при пересечении границы нас непременно будут обыскивать. Конечно, это простая формальность, но вы же не думаете, что оружие, драгоценные металлы или крупные денежные суммы входят в число предметов, разрешённых к перевозке через границу без соответствующих документов? Особенно в такое время?

– Да нет, что вы. Не думаю.

Затем я без дальнейших разговоров отдал ей пистолет с патронами и золотишко. Деньги она бегло осмотрела, после чего отсчитала мне тысяч двадцать, то есть менее половины из тех полусотни тысяч марок, что у меня было с собой. Причём мне она оставила самые мелкие купюры – западногерманские десятки и двадцатки и полусотенные марки ГДР. Видимо, в данном случае она хорошо знала, что делает.

Сложив в очень кстати оказавшуюся в микросалоне «Изетты» большую кожаную сумку, типа хозяйственной, пистолет, деньги и золотишко, она вышла из машинки, предварительно погасив фары и свет в салоне. Огляделась по сторонам и захлопнула передок, сказав мне:

– Ждите меня в машине, Ярослав. Сидите тихо и не делайте резких движений, что бы ни случилось.

После этого она пошла к маячившим в темноте постройкам. Через пару минут в самом большом доме зажёгся дополнительный свет в двух окнах на первом этаже.

А вот тут я в очередной раз, что называется, немного труханул. Это её «что бы ни случилось» прозвучало как-то угрожающе. Вот сейчас возьмут да и замочат меня, безоружного (во мне как раз начал просыпаться уже подзабытый инстинкт, приобретённый в прошлый раз в нервной обстановке Второй мировой, где, не имея при себе оружия, я всегда чувствовал себя практически голым), а потом спалят вместе с машиной или закопают где-нибудь.

При этом меня неизбежно выкинет обратно в «исходную точку отправления», и моим работодателям придётся начинать всё сначала...

И ведь это не прошлый раз, где я мог потом найти хоть какие-то следы своих «подвигов» в виде сохранившихся в архивах документов. Здесь-то от меня точно никакого «дымного выхлопа» не останется. А если что-то и останется, кто же его читать будет? Это как-никак сугубо альтернативная реальность, причём, насколько я знаю, совершенно не изученная...

Но, похоже, я нервничал зря. Вооружённая шпана по мою душу так и не появилась. Было тихо, в чистом ночном небе за лобовым стеклом малолитражки светили яркие весенние звёзды, и даже по дороге за это время никто ни разу не проехал.

Клаудии не было минут пятнадцать. Потом два окна на первом этаже большого дома опять погасли, лязгнула запираемая дверь, и в темноте мелькнули её контрастные белые туфли, шляпка и перчатки.

Подойдя, Клаудия открыла передок и села на водительское место, отбросив опустевшую сумку назад.

Чётко работают эти неизвестные господа-товарищи, тут у них явно хорошо отлаженный канал. И всё-таки кто она такая, интересно знать? Тоже пресловутая «решательница проблем», во всех смыслах этого слова?

– Ну что, можем ехать, – сказала Клаудия, закрывая передок и запуская двигатель.

«Изетта» тронулась. Мы развернулись и поехали по той же самой дороге, уже в обратном направлении. Однако на этот раз сам городок мы объехали стороной, через некоторое время оказавшись на западной окраине Кайзерштадта. Мимо промелькнула давешняя закрытая заправка.

А у знакомого перекрёстка за городом мы остановились, попав в то, что можно было очень условно назвать «пробкой». Перед нами замерли большой грузовик с длинным, похожим на коробку капотом мотора (MAN, что ли?) и ещё три легковушки, остановленные двумя военными регулировщиками в характерных касках и форме Национальной Народной армии ГДР.

Вместе с ними у дорожного указателя стоял всё тот же полицейский в светлом плаще. В полицейской будке горел свет, а вот служебного «Вартбурга» на прежнем месте не было. Вместо него рядом с полицейским постом был припаркован зелёный ГАЗ-69 с эмблемой ННА ГДР на двери.

А на другой стороне дороги, ближе к нам, в свете фар остановившихся машин просматривался ещё и броневик уже знакомого мне типа SK-1. Я было подумал, что это та же самая бронемашина, которую мы встретили накануне на окраине города, но потом понял, что нет. У этого броневика на бортовой броне был нанесён белый номер «915», да и ввод радиоантенны располагался в другом месте – на корме, а не рядом с водителем, как на встреченной накануне машине.

А позади регулировщиков, через перекрёсток, перпендикулярно направлению нашего движения в клубах солярового дыма валила с рёвом длинная колонна. Трёхосные седельные тягачи, в которых я опознал прямых прародителей КраЗов, а точнее ЯАЗы-210, тянули за собой по шоссе прицепы-трейлеры с загнанными на них танками. Танки были в основном Т-54 с развёрнутыми в сторону кормы зачехлёнными стволами и полной походной укладкой внешнего ЗИПа, но попались и несколько Т-44 и Т-34-85.

Всего я успел насчитать тридцать два танка, национальную принадлежность которых было трудно определить, поскольку кроме белых трёхзначных номеров на башнях у них не было никакой маркировки.

После трейлеров с танками прошло несколько цистерн-бензозаправщиков на шасси ЯАЗ (или всё-таки МАЗ, я не сумел рассмотреть – медведь у них был на капотах или зубр?)–200, несколько прояснивших ситуацию своими кириллическими надписями «Огнеопасно» на кузовах. Окончательно не оставил сомнений в «национальности» прошедшей перед нами техники замыкавший колонну БТР-152 – в неровном свете фар за его пулемётом СГМ явно просматривался покачивающийся при движении силуэт курносого солдата в ватнике и пилотке с пятиконечной звездой.

Колонна прошла, регулировщики тут же ушли с проезжей части и сели в «газик», полицейский удалился в будку. Потом броневик и ГАЗ-69 развернулись и направились по дороге вслед за колонной. После этого потихоньку тронулись и мы.

– Кстати, а почему вы столь откровенно избегаете деловых разговоров при этом Теодореску? – поинтересовался я у Клаудии, силясь с ходу понять некоторые местные «расклады». – Я-то думал, что он всё-таки ваш партнёр, или я ошибся?

– Можно и так сказать, – ответила она. – Он, безусловно, партнёр. Но в основном тогда, когда надо что-то достать, продать, купить, стрясти с кого-то долг или, наоборот, заплатить кому-нибудь. Вы там, у себя на востоке, видимо, плохо представляете все нюансы подобных деловых отношений. Во всём этом Шадель действительно незаменим. А вот если дело касается настоящего риска, когда надо слишком явно переходить дорогу властям, да ещё в условиях военного положения, его словно подменяют. Не любит он рисковать своей шкурой, и из-за этого деловые партнёры его сильно недолюбливают...

– Значит, не доверяете?

– Видите ли, Ярослав... Тут есть ещё одна причина. Когда шла эта чёртова последняя война, очень многие из нас промышляли различными, часто не слишком красивыми способами. Но, даже с поправкой на войну, наш дорогой Шадель умудрился сильно «отличиться». Тогда, в момент, когда обычные транспортные пути через Атлантику уже были отрезаны, он неожиданно для всех пообещал свою помощь большой группе застрявших здесь иностранцев.

Я точно не знаю, чего такого он им пообещал – может, сказал, что найдёт какой-то способ переправить их через океан, или убедил, что сможет перевезти их в Швейцарию, Швецию или в Центральную Африку. В той группе было около трёхсот человек, включая женщин и детей. В основном это были разного рода бизнесмены или туристы из США и Канады, по разным причинам застрявшие в Европе накануне войны. Все они были люди небедные и явно пообещали Шаделю за своё возвращение домой всё, что он только мог пожелать. В разумных пределах, разумеется. Ну и потом в какой-то момент все эти иностранцы вдруг исчезли, и больше их никто не видел. Сначала все решили, что Шадель просто честно выполнил своё обещание и действительно нашёл способ отправить их через океан или куда-то поближе. Но потом боевые действия затихли, было объявлено перемирие, русские и американцы начали переговоры в Сан-Паулу, и совершенно неожиданно выяснилось, что все эти люди почему-то числятся в списках пропавших без вести, обнародованных на переговорах американской стороной. А это означает, что, скорее всего, никуда они не уехали...

– То есть ваш деловой партнёр деньги взял, но при этом всё-таки предпочёл, от греха подальше, закопать клиентов? Или утопить, привязав к ногам колосник, горелый и ржавый? Н-да, слушайте, да он действительно гнида. А я ещё с ним кофе с печеньками пил...

– Так о чём и разговор. Разумеется, прямых доказательств ни у кого нет. Но, поскольку сейчас услуги такого рода по-прежнему в цене, лично я Шаделю не особо доверяю. Но теперь благодаря вам я полностью рассчиталась с ним за былые услуги и даже обеспечила себе его поддержку на перспективу. А вот что лично я имею со всего этого – уже не его ума дело. Кстати, Шадель упорно изображает из себя удельного князя и очень любит буквально всё контролировать, это у него прямо-таки «пунктик». И, честно скажу, вам удалось его удивить до глубины души, когда вы появились в этом городе буквально неизвестно откуда. Конечно, с нынешними властями типам вроде него договориться сложно, и контролировать всё он не может, но, насколько я знаю, его люди, заранее звавшие о прибытии «золотого курьера», наблюдали за всеми ближайшими железнодорожными станциями с автовокзалами и даже тёрлись в ближайших аэропортах Карлсруэ, Штутгарта и Баден-Бадена. И вдруг вы пришли прямо к нему, и вас при этом никто не засёк на подходе. Так, словно вы прошли всю Германию пешком или вас привезли в Кайзерштадт в ящике, на каком-нибудь армейском транспорте. Шадель сам сказал мне, что его это обстоятельство немного напугало. В этой связи у меня к вам такой вопрос. Скажите мне честно, Ярослав, вы имеете какое-то отношение к контрразведке или, как у вас там принято говорить, «государственной безопасности»?

Я честно, как она и просила, ответил ей, что, в принципе, имею. Но сразу же уточнил, что я в этом деле не профессионал, после чего сразу же наплёл экспромтом кое-что о своей «прошлой жизни».

Рассказал, что после Второй мировой учился в университете, работал журналистом, потом служил в военной авиации. Затем была война и тяжёлая контузия. После чего я потом якобы долго лечился. Из авиации и армии вообще меня якобы списали по здоровью. Потому и направили на работу в один из отделов объединённой контрразведки ОВД, занимающийся поиском и поимкой военных преступников. При этом я (как мне показалось, вполне убедительно) наплёл, что отдел этот крайне малочисленный, создан недавно и работает кое-как, поскольку мирные переговоры всё ещё идут и полных списков лиц, повинных в военных преступлениях, до сих пор нет.

Именно поэтому мы якобы и «подрабатываем» подобным образом, поскольку никакое государство в это тяжёлое время не станет платить за интересующих его преступников золотом чуть ли не «по весу». Соответственно, я сказал, что нахожусь здесь фактически полулегально и, к примеру, подкрепление мне, даже если я очень попрошу, никто не пришлёт. Не тот у меня уровень...

В доказательство сказанного я показал Клаудии своё служебное удостоверение. Не отрываясь от управления «Изеттой», она скосила глаза в раскрытый мною документ.

– Ценная бумаженция, – сказала она. – Вот только на границе его показывать пока что не стоит. И это хорошо, Ярослав, что вы сразу же рассказали мне об этом. Ничто так не ценно в мужчинах, как честность. То есть вы хотите сказать, что головами этих троих с ваших фотографий интересуется вовсе не государство?

– Совершенно верно. Всех нюансов я, конечно, не знаю. Но здесь скорее соображения личной мести каких-то влиятельных лиц, которые желают остаться неизвестными.

– Это хорошо. А то работать с вашими армейцами или полицией вообще невозможно и порой себе дороже. А ваша так называемая «госбезопасность» или партийное начальство почти всегда играют не по правилам, поскольку в самый неподходящий момент могут неожиданно передумать или изменить исходные условия любой сделки. При этом они никого об этом заранее не предупреждают, а потом говорят, что действовали исключительно в интересах государства или высшего командования. А мне-то, при всём при этом, какое дело до их высших резонансов? Именно поэтому у нас принято брать оплату за услуги деликатного свойства, типа тех, что я сейчас оказываю вам, авансом. Уже бывали случаи, когда тех, кто занимался поиском людей, вместо оплаты просто сажали в тюрьму, как воров или спекулянтов – а сейчас по этим статьям можно привлечь чуть ли не каждого второго...

Из сказанного ей я успел сделать несколько выводов. Похоже, эта дамочка действительно давно промышляла той самой «охотой за головами» и была в этом «бизнесе» явно не последним человеком. С другой стороны, конкуренция в данном почтенном «бизнесе» явно была более чем серьёзной.

При этом моя новая знакомая явно не доверяла «коммунистам с востока, а спецслужб ОВД откровенно побаивалась. Тогда возникает вопрос: почему она, при её роде деятельности, вообще до сих пор на свободе? Или пока у новых властей банально не доходят руки до подобных персон?

Ведь слова и логика во всём том, про что она мне только что говорила, были отнюдь не женскими (по крайней мере в нашем времени бабы так о делах не разговаривают), так мыслить и выражаться могла только достаточно крупная фигура в какой-нибудь, как принято говорить в нашем времени, «организованной преступной группировке».

– То есть работать с «частниками» для вас проще? – уточнил я.

– Да, безусловно, проще. Кстати, а откуда вы так хорошо говорите по-русски, Ярослав?

– Родители были членами компартии Чехословакии, – начал я сочинять на ходу, вспоминая биографии разных деятелей времён ЧССР, вроде главного хитромудрого придумщика «пражской весны» Александра Дубчека, читанные мною в детстве и ранней юности. – После Мюнхенского сговора им ничего не оставалось, как эмигрировать в СССР. Мне тогда было девять лет. Ну а потом я почти десять лет прожил на Урале, закончил там школу и русский знаю как свой родной язык. А вы-то откуда знаете русский?

Она ответила, что тут всё довольно сложно.

Её отец, некий Карл Воланта (или Воланте, окончание своей фамилии Клаудия всё время произносила как-то невнятно), как легко догадаться, был итальянцем. Каким-то там сильно обнищавшим бароном из Тосканы. По неким веским причинам, о сути которых Клаудия мне так ничего и не сказала, ещё до Первой мировой войны он перебрался во Францию, принял французское гражданство и окончил университет, а затем и Высшую школу авиации в Париже.

Во время Первой мировой «Папа Карло» был лётчиком, но, поскольку в списке известных асов той войны я лично подобной фамилии не припоминаю, в этом деле он, похоже, особенно не преуспел. Поэтому ещё до окончания войны он стал работать инженером где-то на заводах авиационного концерна «Бреге». Ну а потом заделался ещё и предпринимателем по

части авиации. Сделал неплохую карьеру и нажил капитал, организовав во французских колониях регулярные авиалинии, сначала почтовые, а потом и пассажирские. Я так понимаю, писатель Экзюпери и прочие, подобные ему почти легендарные почтовые лётчики были у этого Карла подчинёнными.

Мать Клаудии была русской и, по её же словам, вроде бы даже графиней, бежавшей от большевиков и их революции. Уж не знаю, правда ли это была – все эти «белой акации цветы эмиграции» во все времена имели привычку представляться непременно графьями или князьями, при том что в России и тех и других было раз-два и обчёлся.

При этом звали мамашу Клаудии Александра Заклюева, и фамилия эта лишь напоминала графскую. По-моему, сроду на Руси не водилось никаких графов вроде Заклюевых или Заплюевых. Так что, можно считать, я почти угадал – на самом деле эта Клаудия Воланта действительно была Клавкой Заклюевой. Графиня Замазкина, блин. . .

Соответственно, от мамы у неё был и русский язык практически без акцента.

Ну а о себе Клаудия рассказала скупо и немного. Этакая типичная «девушка из общества, близкого к высшему», с «умеренно левыми взглядами». Сказала, что родилась в Индокитае. Потом они с родителями долго жили там (в Ханое и Сайгоне) и в других французских колониях. Училась в частной школе и в университете. Покойный муж Клаудии, фамилию которого она мне не назвала, якобы был офицером Иностранного легиона, воевал во Вторую мировую, а потом служил в Северной Африке и Индокитае. Там, в Индокитае, он и погиб в начале последней войны, угодив под «неправильно сброшенную» американцами атомную бомбу.

Я спросил: а как она сама отскочила от этого трагического замеса? На это моя новая знакомая сказала, что она с дочерью, как и многие семьи французских военных, успела уехать из Индокитая, когда в Корее вся эта «новая волна» только началась. Якобы муж Клаудии проявил поразительную дальновидность, поскольку с самого начала считал, что всё это закончится плохо.

С тех пор Клаудия, по её собственным словам, сильно не любит этих, как она выразилась, «западников». В общем, выходило так, что она не доверяла ни коммунистам, ни антикоммунистам, то есть тем самым фактически поставила себя в незавидное положение между молотом и наковальней, как говорили в одном известном фильме «белые придут – грабют, красные придут – грабют, куды ж бедному крестьянину податься». Хотя кого любить, а кого вовсе даже наоборот – это её сугубо личное дело. . .

Ещё она рассказала, что гражданство у неё двойное – французско-марокканское. Марокко здесь, у них, было уже практически независимым государством, и в ряде случаев марокканский паспорт, похоже, был полезней, чем французский.

У Клаудии была некая «импортно-экспортная фирма» (по её словам, семейный бизнес, но по-моему, скорее просто легальная «крыша» для разного рода тёмных делишек), работающая в Марокко, Алжире и Французской Западной Африке (Алжир в этой реальности тоже был почти независимым государством, а вот с Западной Африкой не всё ещё было вполне понятно – привычного в нашей реальности разделения этой колонии на несколько независимых государств здесь на данный момент не произошло), а также разная «недвижимость и торговля» в Рабате, Касабланке, Дакаре и Бразавиле.

Плюс именно где-то там, в Африке, сейчас жили её родители (правда, о родителях Клаудия говорила как-то особенно невнятно, так что я не исключил, что они, возможно, не «живут», а скорее «похоронены» где-то там, в семейных частных владениях) и уже упомянутая пятнадцатилетняя дочь.

При этом я обратил внимание, что при упоминании о дочери на её лице появляется недовольная гримаска. Какие-то сложности в области отношений между отцами и детьми, а точнее матерями и дочерьми переходного возраста, решающими нелёгкую проблему полового созревания? Как же это знакомо. Многие мои приятели-женатики постоянно и нудно говорят о том,

что семья – вещь просто необходимая (особенно в плане стакана воды в постель, когда будешь подыхать от старости), а дети – это прямо-таки счастье, но, немного поддав или оказавшись в затруднительной ситуации (особенно будучи уверенными, что их при этом не услышит кто-нибудь случайный), те же самые люди начинают именовать собственных жён и детей словами, которые в нашей державе обычно пишут на заборах. Так что любовь и женитьба – это вам, ребята, никакие не вздохи на скамейке, а скорее непрекращающееся остервенелое рубилово заточками, вечная война всех против всех...

Про свой собственный возраст Клаудия мне ничего не сказала (да и какая женщина в здравом уме вообще станет говорить про такое?). Но я так понял, что по всему ей должно быть лет тридцать пять или около того.

Что тут сказать, серьёзная мадам. И если фамилия Воланта в Тоскане столь же «почтенна», как, к примеру, Корлеоне (извиняюсь за столь банальный пример) на Сицилии, я этому нисколько не удивлюсь – в Италии подобных «семейных предприятий», в просторечии именуемых «мафиями», всегда хватало...

– И чем мы с вами займёмся, когда приедем во Францию? – спросил я, глядя, как за стёклами «Изетты» мелькают придорожные столбы и деревья.

– Естественно, вашим делом, – ответила Клаудия, морщась от света фар встречного грузовика. – Вы, Ярослав, появились очень вовремя. Один из тех троих, что вас так интересуют, недавно неожиданно объявился во Франции и, кажется, ищет контактов с американцами. Сейчас мои люди пытаются его отследить. Только прошу вас – ни слова о наших делах на этой стороне границы. А если немецкие пограничники будут спрашивать о цели поездки, говорите «по личным делам». И предъявляйте только паспорт, а ваше служебное удостоверение никому не показывайте. Мы подъезжаем...

За лобовым стеклом малолитражки показалась река (надо полагать, Саар), и через минуту мы въехали на мост. Судя по его свежему и какому-то слишком простому виду, этот мост был построен явно недавно и, очень похоже, армейскими сапёрами.

Зато менее чем в километре, справа от него в ночной темноте смутно просматривались разрушенные быки и проваленные в реку пролёты старого моста. Судя по степени разрушения, тот мост долбанула или авиация, или тяжёлая артиллерия. И настолько основательно, что новые власти, похоже, предпочли не восстанавливать старый мост, а построить рядом новый, лишь расчистив пару центральных пролётов разрушенного моста, возможно, для облегчения судоходства (если такое тут вообще было, на мой взгляд, река была не сильно широкая).

А через пару километров за мостом замаячил сильно освещённый фонарями и прожекторами «пяточок». Подъехав ближе, мы увидели несколько покосившихся и лишившихся крыши каменных коробок разрушенных дотла и выгоревших дочерна старых двухэтажных зданий (характерные провалы и пробоины в стенах говорили о том, что здесь явно били прямой наводкой из полевых или танковых орудий), за которыми поблёскивала в свете многочисленных прожекторов колючая проволока на высоких, по-немецки аккуратных столбах, торчал полосатый шлагбаум и несколько свежих одноэтажных строений барачного типа, покрашенных в уже знакомый мне казённо-белый цвет, возле которых стоял армейский вездеход ГАЗ-67Б с поднятым брезентовым верхом – это явно был новый погранпереход.

Наша «Изетта» остановилась, пристроившись в хвост тёмно-серой легковушке «Рено», у стойки с плакатом, на котором крупными немецкими буквами было написано что-то вроде «стой, предъяви документы, граница Германской Демократической Республики и Французской Республики». Чуть дальше был виден плакат с надписями вроде «проход воспрещён, огонь открывается без предупреждения», и маячившая несколько в стороне от погранперехода добротная вышка (ох, чуёт моё сердце, пулемётчик на ней сидел, а не просто штатный соглядатай с биноклем) не давала ни малейшего повода сомневаться в этих словах.

И почти сразу же к нам направились двое гэдээровских погранцов в форме и фуражках, похожих на армейские, только с зелёными кантами. На аналогичных ребятишек я в своём времени насмотрелся, например, в старой хронике о возведении Берлинской стены в 1961 году.

– Здравствуйте! Прошу вас выйти из машины! – попросил, по-видимому, старший из погранцов, высокий, с широким серебристым кантом и двумя фигурными четырёхугольными налелухами на погонах кителя (стало быть, он был в звании оберфельдфебеля) и дежурно-казённой улыбкой на грубом, живо напомнившем мне молодого Эрнста Тельмана со старых портретов в школьных учебниках, рабоче-крестьянском лице под козырьком фуражки с разлапистой кокардой. Этакий *Sicherheitsdienst*, СД, типичный Служебный Дурак.

Клаудия откинула передок, и мы выбрались из машины, доставая паспорта – она из сумочки, а я из кармана кожанки.

Пока старший рассматривал наши паспорта, второй пограничник, тощий, очкастый и совсем молодой, с одинокой ефрейторской «соплей» на тёмных погонах, полез осматривать наше «транспортное средство».

– О-о, *tschechische genosse!* – сказал погранец, раскрывая мой паспорт и несколько теплея лицом. Чувствовалось, что собратьям по соцлагерю здесь доверяли куда больше, чем каким-то там приехавшим из-за недалёкой межи французам. Возможно, именно поэтому меня осмотрели весьма бегло, не потребовав даже шляпу с головы снять.

Заинтересовала погранца-фельдфебеля только фляжка из моего рюкзака, которую ему притащил молодой напарник. Он даже отвинтил пробку и понюхал горлышко фляги.

– Что это? – спросил представитель братской ГДР.

– Шнапс, – честно ответил я.

Он опять как-то по-особенному заулыбался, завинтил пробку и вернул флягу очкастому, чтобы тот положил сосуд на место.

– Хорошо, – сказал погранец. – С какой целью вы, товарищ Немрава, направляетесь во Францию?

– По личным делам, – ответил я, чётко следуя данным мне накануне указаниям.

Пограничник сверху вниз посмотрел на мою спутницу, сказал «гут» и вернул мне документ.

Клаудию они осматривали несколько дольше, но тоже довольно формально.

Потом нам поставили в документы соответствующие отметки и милостиво разрешили продолжать движение.

Подъезжая к границе, я заметил, как слева от нас два гэдээровских пограничника в стальных касках и с АК-47 наперевес ведут к грузовому тентованному ГАЗ-63 десяток оборванцев, среди которых было две женщины. Чуть дальше был виден ещё один погранец с ПППШ и овчаркой на поводке, позади которого просматривался угловатый передок бронетранспортёра БТР-40. Чувствовалось, что граница здесь, как обычно, была на замке.

На мой вопрос, кого это прихватили погранцы, Клаудия ответила, что сейчас по всему миру вообще и по Европе, в частности, продолжается стихийное движение лиц, которых официально именуют «перемещёнными». Как правило, это те, кто потерял всё (включая документы и человеческий облик) в ходе последней войны и теперь, по пути воруя по мелочи всё, что плохо лежит, или побираясь, либо стремился переместиться с востока на запад (всё-таки надеясь когда-нибудь покинуть Европу), либо с севера на юг, в зону более комфортного для жизни климата.

Как оказалось, в здешних соцстранах по законам военного времени (а полноценного мира, как я уже успел понять, всё ещё не было подписано) эту публику положено было отлавливать и в принудительном порядке направлять «на стройки социализма» (здесь под этим термином подразумевались главным образом восстановительные работы в зонах бывших атомных ударов). Ну а при малейшем неповиновении отстреливать на месте.

Между тем мы проехали под вторым шлагбаумом, за которым нас уже встречали классические французские жандармы в форме, знакомой мне по фильмам о том самом жандарме из Сен-Тропе (кстати, один из французских центров тусовки сторонников «свободной любви», а позднее всяческой голубени), у которого по жизни вечно случались какие-то проблемы (то женитьба, то жандарметки, то вторжение инопланетян), фуражки-черпаки с плоским верхом, тёмно-синие кителя и синие брюки.

Въезжая на территорию Франции, Клаудия вздохнула с заметным облегчением. И было от чего – похоже, на той стороне границы её очень хорошо знали.

Когда нам предложили выйти из машины, старший из жандармов, симпатичный горбоносый брюнет с вытянутой физиономией, на клиновидных погонах которого кроме золотистой горячей гранаты присутствовала широкая золотая лычка с тонкой красной полоской посередине (то есть аджудан, или, по-нашему, прапорщик – Луи Де Фюнес в уже упомянутом фильме про курортного жандарма вроде бы тоже был в этом звании, только там блюстители порядка ходили в южно-тропической форме песочного цвета), сразу же заулыбался моей спутнице. И как-то не казённо, как ребяташки из братской ГДР, а скорее из искренней симпатии. Прямотаки Ален Делон, не пьющий одеколон...

Что, и здесь пограничники тоже всегда в доле?

На французском КПП никто вообще не стал осматривать ни нас, ни нашу машинку, улыбочивый прапор лишь бегло глянул на наши паспорта.

Разумеется, Клаудия балакала с жандармами на погранпереходе по-французски, и я сумел понять только отдельные, смутно знакомые слова. Кажется, она назвала меня своим «новым другом», а прапора по имени – Альбером.

При её словах насчёт «друга» старший жандарм посмотрел на Клаудию вполне понимающе. Дескать, такие сложные времена, а она, понимаешь ли, с мужиками через границы раскатывает туда-сюда, личную жизнь устраивает...

Так или иначе, минут через пятнадцать мы уже ехали дальше, в сторону Страсбурга.

Как говорится, ну здравствуй, белль Франс.

История 2

Опыт ошибок трудных. Французское турне

Заброшенный военный аэродром между Сен-Назером и Нантом. Франция. 13 мая 1962 г.

Когда тёмно-красный (а может, и вишнёвый, ну не разбираюсь я в спектре оттенков окраски автомобильных кузовов), пижонский полуспортивный купе-кабриолет «Астон-Мартин» DB-2, принадлежавший Клаудии, въехал в ворота поместья, а она сама, в элегантном, приталенном костюмчике коричневатого-красного цвета (почти под тон машины) и, как всегда, на высоких каблуках, метнулась ко входу в дом, едва заглушив двигатель, я понял, что дело, похоже, наконец сдвинулось с мёртвой точки.

Я отошёл от окна, торопливо допил кофе и застегнул рубашку, а буквально через пару минут за дверью застучали каблочки, и «хозяйка здешних мест» появилась на пороге моей «холостяцкой» (кроме односпальной кровати в этой камерке на втором этаже были небольшой стол, стул и платяной шкаф) комнатёнки и, едва переведя дыхание, объявила:

– Сегодня выезжаем!

– А что случилось? – поинтересовался я.

– Кажется, твой клиент наконец объявился, – пояснила она.

В процессе передвижения и проживания во Франции мы с Клаудией как-то постепенно перешли на «ты», правда, какой-либо постельной интимности наши отношения от этого отнюдь не приобрели. Лично мне в этой нервной обстановке ожидания непонятно чего было ну совершенно не до блядства, ну а дорогая Клава постоянно куда-то ездила, так что мне оставалось только сидеть и ждать от неё каких-то результатов. Поскольку за всё вроде бы было уплачено вперёд.

В общем, когда она объявила мне о нашем скором отъезде, на дворе было утро двенадцатого мая. Третий день после Дня Победы, который в здешней Франции никто особо не праздновал, как, впрочем, и в нашей.

А до того я, словно какой-нибудь Владимир Ильич Ленин в Разливе (это, если кто не помнит, та часть подзабытой ныне «ленинианы», где был пресловутый шалаш), практически на нелегальном положении смиренно торчал в, похоже, когда-то (мне показалось, что относительно недавно) купленном почтенным семейством Воланта загородном доме, в окрестностях города Ле-Ман, в нашей реальности известного в основном разными автомобильными гонками вроде старейшей и наиболее известной «24 часа Ле-Мана».

Правда, здесь, у них, возобновившиеся было в 1949 г. автогонки с 1958 г. опять перестали проводить (а до того десятилетняя «музыкальная пауза» объявлялась в 1939 г.) – пока что у французов явно хватало дел, поактуальнее автогонок.

А ещё в этом Ле-Мане был недостроенный собор святого Юлиана (забавно, но он числился как «недостроенный» и в наших туристических справочниках XXI века) да старый город с каменными крепостными стенами чуть ли не римской эпохи.

Впрочем, сам я в этом городе побывал всего пару раз, да и то мельком и в сопровождении охранявших поместье мордворотов. Хотя не очень-то мне и хотелось любоваться памятниками здешней архитектуры.

Добирались мы до Ле-Мана довольно-таки кружным путём. Приграничные области, на которые во время войны упали атомные бомбы, находившиеся под жёстким карантином (армейские посты на всех дорогах, въезд только по спецпропускам и прочее), лежали в основном севернее того места, где мы пересекали германо-французскую границу.

Поэтому посмотреть воочию на последствия ядерных ударов мне по дороге не удалось. Хотя временами нам на дороге встречались направлявшийся явно в те самые районы грузовой транспорт и строительная техника (вроде перевозимых на трейлерах бульдозеров и прочих экскаваторов), двигавшиеся с многочисленным армейским или полицейским сопровождением.

Вообще следов каких-то больших боёв на нашем пути не обнаружилось, из чего я сделал вывод о том, что Франция, судя по всему, опять благополучно сдалась. Конечно, вдоль дорог иногда попадались отдельные сгоревшие и разрушенные дома, а также взорванные и восстановленные мосты, но особого впечатления на меня это не произвело.

От приграничного Страсбурга мы доехали до городка Сен-Дизье, там в каком-то гараже на окраине сменили нашу малютку «Изетту» на другую машину (тоже малолитражку, только теперь это была более крупная «Рено-4CV»), а затем добрались и до Парижа.

В столице Франции мы пробыли два дня, и не скажу, что мне там сильно понравилось. Да, Сена текла, куда ей положено, Елисейские Поля и Эйфелева башня стояли на своих местах, окружающий народ был вполне модно одет, работали магазины, кинотеатры, рестораны, кафешки и даже ночные клубешники, уличное движение было вполне оживлённым, а по ночам улицы города освещали неоновые рекламы. В столичном аэропорту Ле-Бурже изредка садились рейсовые самолёты.

Руин или каких-то других следов войны в Париже не было, однако бросились в глаза общая запущенность столицы, обилие нищих (причём это были не какие-нибудь привычные арабы или африканские негры из нашей реальности, а личности с вполне белыми, европейским харями), армейских и полицейских патрулей, постоянные выборочные проверки документов и толпы возбуждённой молодёжи (судя по их виду, в основном студентов и студенток) под красными и красно-чёрными флагами, которые постоянно чего-то требовали, собираясь на площадях перед правительственными зданиями. При этом до драк с полицией у протестующих, как правило, всё-таки не доходило.

Ну а потом мы отбыли уже в Ле-Ман. По дороге туда я наконец понял, почему Клаудию и её машину практически не проверяли и не обыскивали. Оказывается, у неё были документы то ли сотрудника, то ли «добровольного помощника» французского Красного Креста. Как объяснила мне сама хитрая Клава, такие «корочки» давали тем, кто пожертвовал немаленькую сумму на восстановление разрушенного во время последней войны хозяйства или на «лечение и реабилитацию» пострадавших от неё. И подобный служивший дополнительным свидетельством лояльности его владельца документ действительно давал своему обладателю определённые «бонусы».

Ну и далее, я больше двух недель проторчал в этом самом пресловутом поместье, километрах в пятнадцати от Ле-Мана.

Хотя скорее это была просто крупная сельскохозяйственная ферма со слишком большим «господским» домом. Кормёжка здесь была простой и здоровой, при этом отхожее место находилось во дворе, а умываться и бриться приходилось еле тёплой водой, которую приносили в тазике. То есть жил я вполне себе по-деревенски.

Как я успел понять, коренные здешние пейзажи действительно были заняты по сельскохозяйственной части – на окружающих полях постоянно шли какие-то работы, вокруг бродили коровы (как стадами, так и по отдельности), периодически в поместье приезжали грузовики с рекламой различных ле-манских фирм и продуктовых магазинов на кузовах, куда местные работяги грузили продукты, в основном, как я успел заметить, молоко в пузатых стеклянных бутылках и сыр.

А вот в «барском» двухэтажном доме и двух ближних флигелях кроме местной прислуги (в основном состоявшей из баб и девок самого простецкого вида, занимавшихся готовкой и уборкой) обреталось десятка два крепких мужиков в штатском, но с явными признаками как минимум людей повоевавших.

Кстати, оружие в поместье имелось в изобилии. Правда, на виду местные землепашцы держали только охотничьи ружья и обрезы (похоже, от бродяг и воров здесь было принято отбиваться собственными силами, поскольку хоть каких-нибудь захудалых представителей власти я за две недели пребывания в поместье так и не увидел).

При этом мужички в штатском постоянно имели при себе пистолеты в карманах или подмышечных кобурах, но предпочитали не светить свои волюны. Точно так же, как и сама Клаудия, которая, как я успел заметить, почти постоянно таскала с собой в сумочке солидный армейский ствол вроде «Беретты».

Ещё я обратил внимание на наличие на ферме помимо прочего транспорта нескольких «Виллисов» и «Доджей» армейского образца. Интересно, броневиков или танков они тут для нужд скромного сельского быта часом не заначили?

Как я уже сказал, с момента нашего приезда Клаудия была вся в делах. Всё время куда-то ездила (иногда одна, иногда в сопровождении одной-двух машин с бодигардами, часто исчезая на сутки-двое) и постоянно звонила по телефону.

Ну а я за отсутствием иных, достойных занятий решил для начала подготовить себе оружие на всякие непредвиденные случаи. А то мало ли что бывает. Я почти что на войне, а там часто бывают неприятности вроде неожиданного появления многочисленного противника, в изобилии оснащённого автоматическим оружием. Как в бессмертной поэме про Васю Тёркина: просыпаешься – а на тебя прут вражеские танки с пехотой, или прямо на голову сыпется парашютный десант. И в соответствии с собственным эмпирическим опытом Великой Отечественной мне следовало быть готовым начать стрелять в любой момент. Дабы не прослыть чудачком на букву «м».

Поскольку в западном (а особенно во французском) оружии тех времён я разбирался слабо, внимание было обращено на отечественного производителя. Впрочем, с некоторыми оговорками. Например, автомат АК-47 Клавкины спецы найти так и не смогли. Мне было сказано, что это товар ходовой, штучный и «в свободную продажу не поступает». Как выяснилось, у них здесь любого пойманного с «калашом» или патронами для него не просто немедленно судили, а сдавали на расправу «восточной контрразведке», поскольку пользоваться этим оружием имели право только силовые структуры ОВД (ну и плюс к тому те, кому они официально помогали) и все немногочисленные ушедшие налево стволы автоматически считались или трофейными, или украденными. А за кражу военного имущества ОВД здесь судили очень строго.

В пулемёте МГ-42 мне было отказано под предлогом отсутствия как стволов данного типа, так и патронов для них на «свободном рынке». Всё-таки с 1945 года времени прошло изрядно, и все наличные остатки когда-то необъятных гитлеровских арсеналов успели бойко расторгнуть, во что мне лично охотно верилось.

Зато по моему заказу без особых проблем нашли автомат ППШ с рожковым магазином, пулемёт ДП и пару пистолетов – «Вальтер» и ТТ польского производства, аналогичный тому, который я откопал в лесу сразу по прибытии сюда. Возможно, это даже был тот самый пистолет (я, увы, не успел запомнить номер этого оружия), хотя, если смотреть на вещи трезво, зачем им было таскать его через границу? Это же, в конце концов, не золотые слитки...

В общем, оружие я привёл в порядок и пристрелял – с этим проблем не возникло, в поместье имелось нечто вроде тира под открытым небом. Причём для ДП мне, опять-таки без каких-либо затруднений, нашли и запасной ствол, и 7,62-мм патроны с бронебойно-зажигательными пулями Б-32.

Также я попросил Клаву найти для себя какой-нибудь американский бронежилет, и спустя пару дней мне притащили изделие, именовавшееся М12, из числа «кольчужек» с заполнением из нейлона и металлических пластин, в каких янки в нашей реальности воевали в конце Корейской войны. Выглядел жилет вполне солидно, но как эти хреновины первого поколения

вели себя при реальном попадании в них пули, я, честно говоря, не знал. А в нашей специальной литературе, например, писали, что те «бронники» были ну совсем не комильфо.

Подогнав под себя бронежилет и набив патронами четыре пулемётных диска и пять автоматных рожков, я покончил с «военными приготовлениями» и успокоился, благо всё оружие я держал у себя в комнате, в шкафу. Имея под подушкой пистолет и автомат с пулемётом в шкафу, я ощущал себя прямо-таки Верещагиным из «Белого солнца пустыни», для полноты картины не хватало только постылой жены, павлинов во дворе, тёплой водки в жару и миски с чёрной икрой на завтрак, обед и ужин...

Далее я развлекался в основном тем, что рассматривал из окна в бинокль окрестности поместья (поначалу здешний народец отнёсся к этому с подозрением, но потом как-то привык) и активно пытался разговаривать по-французски с местным населением. И к концу второй недели моего пребывания в поместье я стал их понимать чуть лучше. Правда, они меня всё равно понимали с трудом и по большей части сильно веселились, слыша мои лингвистические потуги.

А ещё, имея некоторое количество свободного времени, я силился понять, что происходит вокруг и почему наш фигурант всплыл именно во Франции. И не скажу, что это было так уж легко.

Радио в поместье не было, а те радиоприёмники, что стояли в автомобилях, включали редко, да и уловить что-либо полезное в рутинных, провинциальных новостях было практически невозможно. Хотя местные пейзажи на отсутствие радио совершенно не жаловались, возможно, ещё и потому, что во французской провинции, в отличие от Парижа, были явные перебои с подачей электричества – его отключали на ночь, а иногда и днём, причём довольно надолго.

На крайний случай в одном из сараев возле здешнего гаража стоял дизельный движок, похоже, ещё лет десять назад предусмотрительно спонсеренный местными поселянами с какого-то армейского тягача, но за время моего пребывания здесь его ни разу не заводили.

Книг, а особенно новых, в местной невеликой «библиотеке» было мало, а газеты в поместье доходили с опозданием на два-три дня, но это было хоть что-то.

С трудом продираясь сквозь дебри французской мовы и разного рекламного мусора (здешняя пресса всё ещё оставалась «свободной», да и деревенские жители предпочитали получать не коммунистическую «Юманите», а газеты попроще, с разделом о шахматах и объявлениями о разного рода «купле-продаже»), я всё-таки начал понимать некоторые основополагающие вещи.

Оказывается, здешняя Франция была с некоторых пор связана «договором о дружбе и взаимопомощи» с СССР и странами ОВД, хотя соцстраной и не стала.

Президентом Франции уже пятый год был генерал Шарль де Голль, а правящее правительство было ну очень левым, с преобладанием коммунистов и даже с участием анархистов и анархо-синдикалистов.

Премьер-министром был Морис Торез, а в министерских кабинетах и парламенте заседали такие личности, как Жак Дюкло и Жан-Поль Сартр, которые в нашей реальности крайне редко попадали даже в пятёрку выборных претендентов на какие-то государственные посты.

Нынешнее правительство именовалось «переходным» (до этого, во время войны и сразу после её окончания, во Франции правило некое «чрезвычайное правительство») и проводило постепенные и вполне предсказуемые реформы.

Уже было национализировано много находившихся в иностранных и частных руках капиталов и собственности, декларировалось начало проведения масштабных реформ в области экономики, здравоохранения, социальной сферы и прочего.

Правда, судя по всему, некоторые проекты реформ вроде аграрной или реформы образования пока оставались на уровне обсуждений, то есть фактически говорильни. И митинго-

вавшие на столичных площадях студенты как раз требовали скорейшего проведения реформ в образовании, добиваясь прежде всего обещанного правительством серьёзного сокращения или, в идеале, полной отмены платы за обучение в высших учебных заведениях.

В последней войне французы, как я понял, практически не участвовали. Хотя страна и была членом НАТО, её военное руководство сразу же усомнилось в целесообразности начатых американцами боевых действий в Европе. Именно поэтому дислоцированные в Западном Берлине французские воинские части не оказали сопротивления ОВД, а французские подразделения, находившиеся на территории ФРГ, с началом боевых действий просто экстренно эвакуировались на свою территорию.

Потом, когда американская авиация, размещённая на базах во Франции, начала бомбить (в том числе с применением атомных бомб) наступающие части и тыловые объекты ОВД, а за этим последовали ответные удары, во Франции начались массовые выступления, закончившиеся падением довоенного правительства и приходом к власти де Голля с его откровенно левыми «чрезвычайщиками».

Потом де Голль направил Генсеку ЦК КПСС Анастасу Микояну (в этой реальности генсеком после окончания войны, а может, и с более раннего периода почему-то был именно он, понять причину этого из французских газет было невозможно) «сердечную благодарность» за то, что СССР и его союзники не наносили массированных ядерных ударов по крупным французским городам, ограничившись только районами дислокации армии, ВВС и флота США.

В данный момент между СССР и Францией действовало также соглашение о размещении войск и транзите военных грузов через французскую территорию. Правда, поскольку русские теперь сидели в Гибралтаре, в Алжире, на Мальте и Кипре, советских баз во Франции было немного. Большая база советских подлодок была в Лорьяне, кроме того, в качестве пунктов временного базирования кораблей ВМФ СССР в газетах упоминались Марсель, Тулон, Брест, Гавр и Кале. В качестве перевалочной базы для доставки военных материалов в Испанию назывался Перпиньян.

Да-да, похоже, один упорный советский генерал (если кто не понял, о чём я, перечтите стихотворение К. Симонова, в нашей реальности в это время Родион Малиновский как раз был маршалом и министром обороны СССР) таки дошёл до Мадрида. В Испании опять была Республика, и у власти там были коммунисты во главе с генсеком КПИ Долорес Ибаррури, военным министром в правительстве которой был «генерал трёх армий» (испанской, советской и югославской) Энрике Листер, похоже, вернувшийся на историческую Родину.

Свергнутый генералиссимус Франко с остатками армии и какой-то частью своих сторонников бежал в Испанское Марокко и Испанскую Сахару, которые продолжал контролировать, но без особых шансов – благодаря наличию советских войск в Алжире и Гибралтаре каудильо медленно, но верно давили. Впрочем, в самой Испании продолжали сопротивляться монархисты и франкисты, перешедшие к подпольно-партизанским методам борьбы. Частично они опирались на поддержку соседней, ещё остававшейся нейтральной Португалии, хотя у тамошнего диктатора Салазара дела тоже шли всё хуже – в португальских африканских колониях разгоралась национально-освободительная война и назревало их полное отделение от метрополии.

Так что война на Пиренеях, похоже, заварилась надолго.

В Алжире сразу после окончания активной фазы боевых действий некая несогласная с «генеральной линией» Парижа группа высших офицеров пыталась устроить путч. Но его быстро подавили, и теперь Алжир был независимым и с советскими базами, а некоторых взбунтовавшихся генералов и полковников всё ещё судили, о чём попадались сообщения в газетах.

В Греции и Италии теперь тоже были коммунистические правительства, и из приводимых во французских газетах списков тамошних руководителей мне лично были смутно знакомы

очень немногие имена и фамилии вроде Манолиса Глезоса, Апостолоса Грозоса или Пальмиро Тольятти с Джорджо Наполитано и Пьетро Ненни.

Англии в последней войне, похоже, досталось больше, чем кому-либо в Европе, причём виноваты были в этом сами британцы, поскольку в прессе были многократно опубликованы просьбы королевы, премьер-министра и их военного руководства к американцам «о военной помощи». И во всех этих просьбах английское руководство «ради общей победы» с самого начала соглашалось на атомные удары по собственной территории. Победы не случилось, зато в результате действий американцев всё юго-восточное побережье Англии, включая Лондон, было практически уничтожено, судя по всему, превратившись в радиоактивные руины.

Теперь на английской территории стояла некая Группа Советских Войск с аэродромами и военно-морскими базами, а «переходное» лейбористское правительство, судя по французским газетам, буквально выбивалось из сил, пытаясь восстановить видимость нормальной жизни, хоть немного напоминающей довоенную.

При этом Шотландия уже была автономией (так и вертелось на языке «Шотландской АССР»), как в том старом анекдоте, про «гарный урожай бурякив на полях Техасщины и Аризонщины») со своим правительством и парламентом, а Северная Ирландия добровольно присоединилась к Ирландии, у которой тоже был подписан договор о взаимопомощи с СССР и ОВД. Королевское семейство во главе с королевой Елизаветой и часть военной и политической верхушки Англии (на их имена на исторической родине уже довольно давно были выписаны ордера на арест) бежали в Канаду, Австралию или на юг Африки (сведения о их местонахождении в настоящий момент в газетах приводились крайне противоречивые) и, судя по всему, тешили себя несбыточной мечтой о хотя бы частичном реванше.

Дания, Голландия и Бельгия мало пострадали от последней войны и были оккупированы войсками ОВД.

На территории Норвегии американцы и англичане воевать практически не стали, и после их поспешного бегства правительство этой страны подписало мирный договор на советских условиях.

На Фарерских островах и в Исландии тоже были советские военно-морские и военно-воздушные базы, так что на севере американцы ещё худо-бедно удерживали только Гренландию.

В общем, геополитический расклад здесь сложился довольно специфический.

Ну и как объяснила мне Клаудия, сейчас при наличии горячего желания попасть в США или Канаду здесь, у них, проще всего было каким-то образом уйти через границу в Испанию и далее в Португалию. А затем через Азорские острова и Южную Америку добираться в Соединённые Штаты.

По её словам, на подобном «транзите» кое-кто здесь неплохо зарабатывал (сдаётся мне, что и она сама тоже не осталась в стороне от этого), но в идеале для этого варианта требовался португальский или южноамериканский паспорт. Настоящие документы стоили невообразимо дорого, а спалиться с поддельными бумажками на этом маршруте было очень легко, так же как и при попытке пробраться через Испанию нелегально.

Опять-таки каждый второй из тех, кто сейчас во Франции предлагал услуги по уходу за границу и изготовлению сопутствующих документов, оказывался или банальным кидалой, или, явно или не явно, сотрудничал с полицией или контрразведкой. И из-за этого обстоятельства слишком большую роль в сделках подобного рода играли личное доверие и близкое знакомство, а значит, всё это категорически не делалось просто и быстро.

Вторым реальным вариантом для разного рода потенциальных «невозвращенцев» был уход через Средиземное море в Северную Африку и далее на юг Африки. Как я понял, именно на этом маршруте «трафика» сидела в том числе и сама дорогая Клава. Здесь всё было несколько проще, поскольку, имея не вызывающий подозрений французский паспорт, можно

было свободно добраться до Алжира или Французской Западной Африки на пассажирском судне или даже рейсовом самолёте, а вот дальнейшее перемещение уже имело разные варианты, и именно здесь в дело вступали разного рода дельцы, за деньги обеспечивавшие последующее продвижение желающих на юг – как правило, по тайным тропам, верхом или пешим порядком, с проводниками из числа местного населения. До конечной точки маршрута при таком раскладе доходили, разумеется, не все. Ну, так на то она и Африка, в конце концов ещё Корней Чуковский писал, что не фиг по ней разгуливать, а тем более кому попало...

Однако добираться сейчас до ЮАР, Родезии или, скажем, Португальской Западной Африки было чревато последствиями и порой нехорошими. Поскольку по всей Африке шли вялотекущие гражданские войны, к приехавшим из Европы иностранцам (а тем более к лицам с фальшивыми документами) там относились с большим подозрением. Вполне можно было попасть под какую-нибудь выборочную проверочную кампанию и на несколько месяцев загреметь в какую-нибудь из крайне некомфортных африканских тюрем. К тому же любого приезжего мужчину призывного возраста в тех краях после «натурализации» вообще могли мобилизовать на военную службу, невзирая на любые возражения и смягчающие обстоятельства.

У этого маршрута «трафика» был и ещё один неприятный момент. Оказывается, в США к приезжавшим с юга Африки относились с большим подозрением. Учитывая, что на территории Северной Америки всё ещё частично сохранялся режим военного положения, в этом не было ничего удивительного.

Тем более что и австралийцы с новозеландцами, и южноафриканцы с родезийцами сейчас были не в самых добрых отношениях с американцами, поскольку обе стороны постоянно и публично обвиняли друг друга в «предательстве и неблагодарности».

Ну а далее один из наших фигурантов (а судя по описаниям и сделанным явно скрытой камерой плохим фото, это был плешивый мужичонка с неприятной рожей, которого я знал под именем Хуго Кофоеда) почему-то объявился именно во Франции, после трёх с лишним лет «лежания на дне». И чего ему, спрашивается, дальше не лежалось – хрен его разберёт...

Имевшая в таких делах немалый опыт Клаудия решила, что раз наш фигурант собирался попробовать первый вариант, скорее всего, он с «товарищами по несчастью» затихарился где-то в Западной Европе или, на худой конец, в Африке или на Ближнем Востоке (правда, второе или третье она считала маловероятным).

Это предположение было логичным, поскольку в советской зоне влияния, в Юго-Восточной Азии или Индии фигурантам вряд ли удалось бы сколько-нибудь надёжно спрятаться, а если допустить, что их «берлога» находилась где-нибудь, скажем, в Австралии, Новой Зеландии или Южной Америке, появление одного из фигурантов во Франции выглядело, мягко говоря, странновато.

Ну а раз наш «друг» вдруг всплыл именно там, где всплыл, он, судя по всему, собирался выправить себе (а может быть, и не только себе, а всей своей сховавшейся компашке) какие-нибудь внушающие доверие документы и уйти с ними в Штаты через Португалию.

Проведённая Клавиными людьми разработка показала, что снабдить его документами, видимо, должны были вышедшие с ним на контакт американцы, поскольку ни к кому из промышлявших этим местных дельцов интересующее нас лицо не обращалось.

Товарищ Кофоед, очень возможно, и был неплохим конспиратором, но в итоге всё равно «засветился», хотя виноват в этом был не он сам.

Его, причём совершенно по-глупому, «засветили» пришедшие к нему на встречу американцы.

Как мне объяснила Клава, у которой были какие-то довольно тесные связи с как минимум местной полицией и пограничной охраной, из-за двухсторонних договоров с русскими американских шпионов во Франции сейчас старались выявлять в первую очередь. После чего их обычно без лишних проволочек сдавали с рук на руки соответствующим службам ОВД.

В общем, внимание французских силовиков привлекли трое весьма подозрительных типов, недавно появившихся в Париже. Они прилетели во Францию из Южной Америки через Азорские острова и Лиссабон.

Паспорта у этой троицы были парагвайские, что при откровенно англосаксонских рожах, полном незнании испанского и специфических манерах поведения сразу же насторожило правоохранителей. Чуть позднее один дотошный полицейский штымп из «наружки» сумел кратко побеседовать с одним из этой троицы в каком-то парижском кабаке (обычный обмен несколькими дежурными фразами двух бухгалтеров у барной стойки) и выяснил, что «парагваец» не знает даже географии «родной страны», поскольку путает её с Уругваем и совершенно не в курсе того факта, что столицей Парагвая является Асунсьон. Таким образом, подозрения в том, что эти трое шпионы или контрабандисты, заметно усилились.

Ну а потом, когда фальшивых парагвайцев уже всюю пасла по тихой криминальная полиция, один из этой троицы встретился с человеком, очень похожим на интересующего меня Кофоеда. Как я уже говорил, Клава показала мне пару сделанных полицейскими фотографий, по-моему, это был действительно именно он. Только зачем-то очки нацепил, конспиратор хренов...

Дальнейшее уже было делом техники.

Для начала Клаудия попросила своих «полицейских корешанов» пока что категорически не привлекать к делу спецслужбы ОВД (естественно, за это пришлось немного приплатить), поскольку фигурант якобы сбежал, задолжав ей очень крупную сумму. А теперь он, зараза такая, вообще хочет нагло свинтить из Европы, не отдав должок, по которому уже набежали изрядные проценты. Не знаю, поверили ли ей полицейские, но, так или иначе, эту Клавину просьбу они выполнили.

– А почему такая срочность? – резонно удивился я, услышав от Клавы про наш отъезд. – Сидели, понимаешь, две недели и ни черта не делали, а тут вдруг срываемся?

Клаудия сказала, чтобы я заткнулся и не умничал. Её люди, которые стерегли американцев и Кофоеда, имели армейскую радиостанцию и только что во время очередного сеанса связи передали, что наш фигурант, а с ним и три фальшивых португальца пару часов назад неожиданно выехали из Парижа на автомашине, двигаясь на юго-запад. То есть направлялись они явно в сторону побережья. При этом накануне отъезда один из американцев успел побывать в парагвайском консульстве.

– Ладно, – согласился я. – Едем так едем.

– Ты едешь со мной, – уточнила Клава. – Можешь размещаться в моей машине.

Вслед за этим я полез в шкаф за бронежилетом и оружием, а Клава вышла из комнаты и процокала каблуками вниз по лестнице.

Через пять минут я, таща в одной руке бронежилет и рюкзачок с моим небогатым гардеробом, а в другой оба ствола и весь наличный запас патронов, спустился во двор.

Как обычно элегантная, словно фортепьяно, Клаудия стояла возле своего «Астон-Мартина» и о чём-то беседовала с двумя здоровыми парнягами из своей «карманной гвардии». Я поздоровался с ребятами и попросил её открыть багажник.

И сама хозяйка, и её сотрудники при виде столь вооружённого меня немедленно сделали большие глаза.

– Пулемёт-то тебе зачем? – спросила Клаудия насмешливо-укоризненно. – Думаешь, придётся много стрелять? Да ради бога, не беспокойся ты об этом, мои мальчики всё прекрасно сделают сами!

Однако же багажник открыла. Женщина, а понимает, что без пулемёта в некоторых ситуациях приходит полный кирдык, хоть и не видела «Белого солнца».

– Бережёного бог бережёт, – сказал я, бережно укладывая в тесный багажник ДП, ППШ, брезентовую сумку с магазинами и прочие причиндалы.

Я не стал особенно капать Клавье на мозги ссылками на свой собственный опыт Великой Отечественной, на фронтах которой любая случайная перестрелка могла запросто и мгновенно перерасти в солидный общевойсковой бой с участием танков, артиллерии и миномётов. И я не думаю, что американцы мыслили в этих вопросах менее масштабно, чем битые арийцы.

То есть Клавье и её «мальчишкам», конечно, было виднее, но я с самого начала ждал от предстоящей акции какой-нибудь подлянки. В конце концов, нам противостояла не конкурирующая банда, а разведка солидной державы, у которой неизвестно что на уме. Разумеется, танки или авиацию они против нас не пустят, но даже и без всего этого у них в рукаве может найтись достаточно тузов и джокеров...

Между тем Клаудия куда-то ненадолго сходила и вернулась к машине уже с подновлённым макияжем на лице, сумочкой и небольшим чемоданом. А во дворе потихоньку собрались её «бойцы» в количестве восьми рыл. Они стояли и курили на фоне гаража, в предельно пасторальной обстановке, которую усиливали бегавший за курами где-то на заднем плане щенок (то ли немецкая овчарка, то ли просто крупный двортерьер похожего окраса) и пузатый мужик с усами, в полосатом жилете и рубашке с закатанными рукавами, деловито запрягавший в телегу серую лошадь.

Глядя на это сборище рослых мужиков в шляпах (в кепке был только один, и то, видимо, исключительно для разнообразия) и почти одинаковых тёмных костюмах со светлыми сорочками и галстуками модных в этом сезоне расцветок, я долго не мог понять, что же мне всё это напоминает.

А потом неожиданно вспомнил – румынские боевики времён Чаушеску из моего детства.

Ну те, которые про слишком честного, но, увы, беспартийного полицейского комиссара Миклована и его коллегу-коммуниста товарища Романа. Там тоже все поголовно – и бандюки с бегающими глазами, и горбоносые чернявые сыщики – почему-то ходили в шляпах и костюмах.

Бухарест второй половины 1940-х гг. в этих фильмах странным образом сильно напоминал Чикаго времён Аль Капоне (американских фильмов про гангстеров конца 1920-х у нас тогда ещё не показывали), только вместо автоматов Томпсона румынские «плохиши» массово пользовались ППШ с рожковым магазином (ну правильно, их после войны в том числе и в Румынии производили), и мы, немного знавшие историю советские пацаны, тихо фигели на таких сеансах.

Ещё бы – на дворе якобы начало 1945 года, весь мир воюет, и только «горячие румынские парни» в это время заняты в основном тем, что грабят банки, казино или тырят дефицитные лекарства вроде пенициллина с оптовых складов Красного Креста. Шикарный вклад в общую победу, да? Причём с какой стороны на это ни посмотри – хоть из Москвы, хоть из Берлина, хоть из Лондона, хоть из Вашингтона...

Характерно, что в этих самых боевиках легендарный Миклован всё время выходил с одним-единственным револьвером против взвода автоматчиков, и неизменно выходил победителем, пока в одной из финальных серий ему не пустили автоматную очередь подло-нечестно, в спину. А вот его партийный коллега Роман автоматическим оружием всё-таки не пренебрегал...

В этой связи мне сразу же не понравилось то, что Клавины братки были вооружены более чем легко. Понятно, что у каждого из них было по одному-два пистолета, но вот из «более тяжёлого вооружения» у них с собой было всего-то два ублюдочных автомата «Стэн» британского производства, единственным положительным качеством которых была возможность ношения под полой. В своё время из двух таких, с позволения сказать, стволов не смогли положить Гейдриха, причём стреляя в упор...

Ручных гранат они, судя по всему, тоже с собой прихватить не догадались. Так что мои опасения насчёт их неподготовленности на случай серьёзной стрельбы, похоже, имели все основания.

– Гранат вы не взяли? – осторожно спросил я у Клаудии на всякий случай, уже усаживаясь на сиденье рядом с ней.

– Ты что, к «Битве за выступ» готовишься? – искренне изумилась она. – Я очень надеюсь на то, что стрелять нам вообще не придётся! В конце концов, мои люди – профессионалы!

Я на это только молча кивнул. Может, оно и так, но не факт, что у бандюков хоть что-то получится против профессиональных шпионов или военных. Тут всё обычно происходит предельно просто. Одна мелкая ошибка – и понеслась. Да так, что потом затрахнешься по части рытья могил...

В общем, через полчаса наша кавалькада из трёх машин выехала из поместья. Впереди мы на всё том же Клавином «Астон-Мартине» (как говорится, хоть немного почувствуйте себя Джеймсом Бондом), а за нами «Ситроен-11CV» и «Фольксваген Жук», по четыре вооружённых человека в каждой машине. Плюс в «Жуке» была портативная армейская радиостанция, как я понял, американского производства, времён предпоследней войны. Что значит суровые, безмобильные времена...

В принципе, против четырёх человек это был вполне солидный «коллектив», тем более что непосредственно за ними ещё кто-то следил.

Подозреваю, что план действий у Клаудии был прост как мычание – накрыть интересующую нас четвёрку в каком-нибудь уединённом месте и, навалившись всем скопом, скрутить их, по возможности не доводя до стрельбы. Явных препятствий для реализации этого замысла я не видел. Конечно, если только наш дорогой фигурант не прихватил с собой какой-нибудь плазменной винтовки из далёкого будущего или их где-нибудь не поджидает подмога в виде батальона парашютистов...

По дороге никаких проверок не было, хотя жандармские и армейские посты нам и попадались. Спустя часа три с момента выезда наша маленькая колонна съехала с дороги и остановилась в весеннем леске, возле городка Анже.

Клаудия немедленно направилась к «Жуку», и я понял, что на это время у неё явно был назначен «сеанс связи» со второй, непосредственно наблюдающей за клиентами группой.

Стоянка продолжалась менее получаса, и лично мне этого времени хватило на то, чтобы сходить по-маленькому за дерево. Потом Клава, успешно поговорив по рации, вернулась в машину, и мы продолжили движение.

На мой вопрос, куда мы всё-таки направляемся, Клаудия ответила, что сейчас мы едем в сторону Нанта (если по прямой, это порядка 180 км от Ле-Мана), куда направлялись и интересующие нас лица. А потом, по её прикидкам, они должны были ехать дальше к побережью, скорее всего, в сторону портов Нант или Сен-Назер.

– Почему именно туда?

– А что им ещё остаётся? Если они сразу не поехали в сторону испанской границы, значит, дорога им только туда. Ла-Рошель или Бордо намного дальше. Конечно, побережье контролируется военными, и нынешнему судоходству далеко от довоенного, но, как я могу предположить, уйти они хотят именно морем. Каких-либо португальских или южноамериканских торговых судов в Нанте или Сен-Назере сейчас нет, к тому же их по пути серьёзно досматривают. А если так, из района Сен-Назера их может забрать какой-нибудь боевой корабль или даже подводная лодка. И раз уж они засуетились и рванули прочь из Парижа, это randevu должно произойти очень скоро, в течение двух-трёх суток максимум. Скорее всего, действовать они будут стереотипно. Хорошо заплатят кому-нибудь из местных (я не исключаю, что у них подобное было оговорено заранее) и в нужный момент выйдут в море на каком-нибудь мелком рыболовецком судне, а вдали от берега пересядут. И до того как власти и военные успеют что-то понять, они уже уйдут. Стандартный приём контрабандистов...

– Ты в этом уверена? – уточнил я.

– Считай, что уверена. Конечно, это рискованный и дорогостоящий вариант, на побережье и радары, и боевые корабли, и морская авиация, причём не только наши, но и советские. Так сейчас мало кто делает. Но если это действительно американцы, им это будет вполне по карману, тем более если это одноразовая акция.

– А куда они, по-твоему, дальше денутся? Если будут уходить в Португалию – это как-то слишком сложно. Неужели они решили рвануть напрямик через океан?

– Не знаю, – ответила Клава, следя за дорогой и редкими встречными машинами. Чувствовалось, что не очень-то она уверена в этих своих предположениях...

Я не стал нагнетать напряжённость и решил, что ей, как хозяйке, видимо, всё-таки виднее. Хотя, рассуждая логически – а почему бы американцам не воспользоваться самолётом? Но тут тоже есть несколько неизвестных факторов. У побережья военные должны контролировать не только море, но и воздух. Тогда получается, что это должен быть самолёт, обладающий достаточной дальностью, чтобы долететь из Португалии и вернуться обратно (а это, по самым скромным подсчётам, километров пятьсот в одну сторону, если лететь по прямой, над территорией Испании, если над побережьем – и того дальше), и способный по своей грузоподъёмности взять на борт четырёх человек, не считая экипажа. Спрашивается: откуда возьмётся этот явно немаленький самолёт, как он преодолеет ПВО и где будет садиться? Ответить на эти вопросы с ходу я не мог.

Ближе к вечеру уже на окраине Нанта у Клаудии состоялся очередной сеанс связи. Потом, уже въехав в этот город, мы встретились со второй группой. В ней насчитывалось девять человек: на двух машинах, при пистолетах и двух автоматах МАТ-49. Как говорится, нашего полку прибыло...

«Хвост» доложил, что фигурант и трое сопровождающих его лиц остановились на ночлег в Нанте, в неприметном отеле «Amiral». За этим отелем Клавины ребята плотно наблюдали, и сейчас все четверо, по их словам, пообедали в кафешке под названием «De Bourgogne» напротив отеля.

После этих слов Клаудия ещё более укрепилась в своих предположениях, что поутру клиенты действительно либо отправятся в местный порт и на каком-нибудь судне уйдут из Нанта в сторону моря вниз по Луаре, либо двинут дальше, в Сен-Назер.

Клаудия отдала своим бойцам несколько распоряжений, после чего наш небольшой коллектив разделился. Сопровождающие нас братки куда-то мгновенно рассосались (не исключено, что по постоянным дворам и харчевням). Разумеется, часть отправилась на усиление тех, кто пас клиентов.

Мы с Клавой отправились в отель «Chatebriand», тоже небольшой и неприметный, на какой-то тихой улице.

Близкий к настоящему французский паспорт мне к этому времени уже сделали, и в отеле Клаудия записала нас вовсе не как супругов, а как «коллег по работе, находящихся в деловой поездке». Ну, ей виднее. Соответственно, нам дали два одноместных номера на третьем этаже, друг напротив друга, дверь в дверь.

Пожинав каким-то овощным супом и тушёным мясом с подливкой в уютной ресторанции «Discuesne» напротив отеля, мы разошлись по номерам и легли спать.

При этом у меня в голове вертелись надоедливые мысли о нехороших сюрпризах следующего дня. Неуверенность усиливалась осознанием того факта, что пистолеты-то были при мне, а вот всё остальное оружие – в запертом багажнике «Астон-Мартина», ключ от которого остался у Клавы. Случись чего – и не добежишь. Хотя не будут же наши клиенты брать отель приступом вчетвером, да ещё ночью. Не Рэмбо же они, в конце концов...

Тем не менее я довольно быстро заснул. Разбудил меня глухой стук в дверь соседнего, Клавкиного номера. Ещё не рассвело. Мгновенно одевшись, я, держа наготове ТТ, высунулся в коридор.

Не увидел ничего подозрительного и услышал приглушённый, торопливый разговор на французском, из которого с ходу мало что понял.

Гонец из числа бодигардов что-то докладывал слушавшей с мрачным выражением лица Клаве, которая выглядела так, словно и не спала вовсе – белая блузка, туфли, чулки, юбка не мятая и даже макияж на лице...

Черта всех французских женщин (которые, если верить О. Митяеву, сплошь и рядом бывшие москвички) или просто выработанная годами хорошая привычка к походным и полупоходным условиям?

– Собираемся и едем, – сказала Клаудия, надевая жакетик, после того как гонец убежал вниз по лестнице.

Я убрал пистолет и спросил её о том, что случилось.

Как оказалось, её «гениальный» первоначальный план начал буксовать и давать сбои. Наши фиговые клиенты почему-то проснулись слишком рано, после чего сели в свою машину и быстро поехали вон из города, хотя за свои номера они накануне уплатили за три дня вперёд.

Естественно, несколько Клавиных «наружников» последовали за ними как привязанные.

Я наскоро умылся, схватил свои пожитки (удобно, когда весь гардероб таскаешь с собой), надел куртку, водрузил на затылок шляпу, и минут через десять мы сидели в машине, рядом с которой стоял уже знакомый мне белый «Фольксваген Жук».

Дальше мы поехали в том же составе, что и накануне.

Выехав из города, отъехали с дороги за кусты и остановились для сеанса радиосвязи.

Клаудия ушла к «Жуку» и вернулась весьма озадаченная.

– Чего там? – спросил я.

– Чёрт побери! Оказалось, что они едут вовсе не в Сен-Назер, а километрах в двадцати от Нанта зачем-то свернули с шоссе и поехали по просёлочной дороге, ведущей фактически в тупик!

– Ну и что в этом тупичке может быть такого уж сильно интересного для них? – уточнил я.

– Мои мальчишки, которые сейчас сидят у них на хвосте, сообщили, что машина наших клиентов направляется к заброшенному аэродрому, – сказала Клава, ещё больше мрачняя лицом.

– А я что говорил?! И что там у вас за аэродром?

– Откуда я знаю... Вроде бывший военный. С 1930-х базировались наши ВВС, а в предпоследнюю войну – бомбардировщики люфтваффе и американцы. Потом там было что-то вроде частного аэроклуба или лётной школы, но с 1952 г. этот аэродром вообще никем не использовался. Взлётная полоса, старые ангары, и больше ничего. Короче, всякая рухлядь...

– И какова длина тамошней ВПП? – поинтересовался я.

– Точно не знаю. А зачем? – Клава изобразила на лице удивление.

– Вот блин, святая простота... Кто-нибудь местный среди твоих ребят есть?

– Есть!

– Ну так и спроси у него срочно – принять «Дакоту» или аппарат сопоставимых габаритов тамошняя полоса сможет? Даже если он, к примеру, длины полосы точно не знает. Надеюсь, ты знаешь, что такое «Дакота»?

– Знаю, не умничай!

С этими словами Клаудия отошла от «Астон-Мартина» и о чём-то поговорила с одним из своих братков. Остальные её боевички при этом крайне подозрительно смотрели на нас – они явно не любили наши с Клавой длинные разговоры на русском, совершенно непонятные для них. Когда за вами всюду таскается некий заграничный хрен с бугра – это неприятно, где-то я даже готов был их в этом смысле понять...

– Морис говорит, что да, «Дакота» там точно сядет, – сказала Клаудия, вернувшись. – Полоса вроде бы длинная, километра полтора длиной, частично грунт, частично было покрытие из металлических полос...

– Твой Морис это точно знает?

– Да, он сказал, что немного работал там, ещё во времена аэроклуба...

– Всё это хорошо и одновременно очень плохо. Похоже, твои расчёты не оправдываются. И ведь я тебя об этом предупреждал. Похоже, наши клиенты не будут действовать по логике и морем не пойдут. И что мы будем делать в этом случае? У тебя есть в запасе какой-никакой «план Б»?

– Не беспокойся. Это изменение первоначального плана лишь несколько усложняет нашу задачу, но сюрпризом не является. Кстати, а как они, по-твоему, собираются пересечь границу? Ведь там же радары и прочая ПВО...

– Вот это, дорогая моя, как раз главный вопрос. Прямо-таки на пять баллов. А ты бы на их месте как действовала?

– Да пошёл ты... Не знаю как! Слишком уж наглое мероприятие они затеяли, по крайней мере, по моим понятиям. Тебе любой понимающий человек скажет, что такое удаётся один раз в жизни, да и то не всегда и не у всех...

– Ладно, поехали дальше, а то упустим! – прервал я дальнейшие дискуссии.

Поторопиться имело смысл. Если клиенты ехали к аэродрому, значит, время вылета и прочие мелкие детали у них явно были согласованы заранее. То есть они прекрасно знали, что будет и когда, а мы – нет. И это обстоятельство начинало меня нервировать.

В общем, когда рассвело, мы были в леске, метрах в пятистах от границы этого самого аэродрома, где непосредственно сопровождавшая клиентов группа оставила две свои машины. Поскольку на недалёком шоссе изредка гудели грузовики, шум наших моторов не должен был спугнуть клиентов. Хотя как знать...

Ждавший нас связной сообщил, что машина с четырьмя нашими фигурантами въехала непосредственно на территорию аэродрома и сейчас они все находятся в одном из пустых ангаров. И якобы «наружники» его уже окружили, причём незаметно. Очень хотелось в это верить...

Кинув шляпу на сиденье, я вылез из машины, достал бинокль и осмотрелся. День обещал быть хорошим, и в лучах поднимающегося над горизонтом солнца была видна высокая трава (жухлая прошлогодняя и ярко-зелёная свежая), которой за последние годы густо зарос аэродром. Среди травы просматривалось штук шесть тёмных ангаров очень старой постройки (два из них, на противоположном от нас конце аэродрома, были предельно ветхими, с огромными прорехами в крышах), ржавые остатки вросшего в землю бензозаправщика на шасси армейского трёхосного ГМС, маячившая в траве за двумя дальними ангарами гофрированная руина фюзеляжа какого-то довольно большого самолёта с прямоугольными иллюминаторами (кажется, это был Ju-52), развесистые деревья позади неё и кучи чего-то непонятного, железного и тоже сильно ржавого, громоздившиеся там и сям, насколько хватало глаз. Как видно, субботники по очистке территории или банальная сдача металлолома у них здесь были явно не в моде.

Возле одного из ангаров, в центре композиции, стоял тёмно-синий «Опель-Капитан» (или какая-то другая машина, очень похожая на него), на котором, судя по всему, и приехали наши клиенты – на это указывали свежие, продавленные в траве колеи.

Людей нигде не было видно: ни наших, ни чужих. Хотя последним по-любому не было никакого смысла высовывать нос из ангара раньше срока.

Похоже, связной не соврал. Во всяком случае, пока наши подопечные не суетились, а значит, наблюдения они не обнаружили.

Высыпавшие из машин Клавины ребята заметно нервничали. Сама она присела на капот «Астон-Мартина» в паре метров от меня и в некой научной рассеянности ковыряла траву острым носком чёрной модельной туфли.

Между тем разместившийся на заднем сиденье «Жука» радист методично шарил на разных волнах, силясь поймать хоть что-нибудь стоящее в плане информации. Продолжалась эта добавившая нервозности бодяга не менее получаса. По словам радиста, полиция и армейцы ни о чем сверхординарном в эфире не сообщали. А ведь если бы ПВО объявила повышенную готовность или тревогу, приказы об том уже последовали бы...

Но потом, в какой-то момент, радист вдруг прямо-таки подскочил до низкого потолка автомобильной кабины, словно укушенный пчелой в пятую точку.

– Ну? – нетерпеливо спросила Клаудия, подходя к нему.

Дальнейший разговор между ними вёлся на французском, но в основном я всё-таки понял, в чём суть дела.

В эфире только что прошло сообщение от гражданского самолёта португальской авиакомпании «TAP Portugal», выполнявшего плановый рейс 9–2, Лиссабон – Париж. Экипаж авиалайнера сообщал, что у них якобы произошёл отказ сразу двух двигателей (значит, летело что-то явно более крупное, чем DC-3, «Дакота» при отказе обеих двигателей точно не смогла бы продолжать полёт) и что они, видимо, будут делать вынужденную посадку, если найдут подходящую площадку для этого. При этом в качестве координат предполагаемой посадки упоминались как раз окрестности Нанта.

То есть всё совпадало. Ход был верный, но не особо-то гениальный. Как водится, разведслужбы прикрыли свои делишки пассажирским авиарейсом, а этим во все времена кто только не пользовался. Для примера можно вспомнить хоть евреев с их рейдом на Энтеббе. Но, учитывая, какое на дворе время, авиакомпания потом фиг расхлебает последствия подобной акции. Хотя португальцам наверняка хорошо за это заплатили...

– Значит, это по нашу душу, – сказала Клава и что-то приказала своим людям. Те вынули оружие и быстро распределились по парам и тройкам. Трое из них, во главе со связным, сразу же двинулись быстрым шагом в сторону ангаров, пригнувшись и соблюдая тишину.

Глядя на их пистолеты и несерьёзные автоматы, я пожалел, что, доверившись женской логике и опыту, сам не подумал о подобном варианте.

Ведь когда имеешь дело с самолётом, полезно иметь с собой 12,7-мм ДШК или «Браунинг» того же калибра. А что, вполне можно было поставить подобный крупнокалиберный дурильник в кузов «Доджа», «Виллиса» или какого ни есть пикапа и приехать сюда с такой вот зенитной установкой. Хотя что толку было теперь об этом сокрушаться...

– Что дальше? – спросил я у Клаудии, в очередной раз осмотрев окрестности в бинокль. Никакого заметного движения не было. Ушедшая вперёд троика её боевичков уже достигла ангаров и спряталась, умело скрывшись с глаз.

– Ждём, – ответила она, доставая из сумочки ствол. При ближайшем рассмотрении это оказалась вовсе не «Беретта», а MAC-35, французский армейский пистолет калибра 7,65 мм. Сильно он ей поможет при серьёзной стрельбе... Ей-богу, лучше сидела бы здесь и руководила своими питбулями на расстоянии, как командиру и положено...

– Мадам, – неожиданно крикнул Клаве радист с заднего сиденья «Жука». – Этот рейсовый самолёт только что дал отбой! Их радист сказал, что они всё-таки сумели запустить двигатели и, отменив вынужденную посадку, пошли дальше на Париж, в соответствии с первоначальным планом полёта!

Отбой? Да не может быть!

Тем более что в небе, где-то у горизонта, послышалось нарастающее шмелиное гудение, а потом стала видна серебристая, постепенно увеличивающаяся в размерах точка.

Оставшиеся рядом с нами шестеро Клавиных бойцов издали целую гамму неразборчивых звуков, явно означавших изумление.

Я посмотрел в ту сторону в бинокль. Да, без сомнения, это был самолёт, причём действительно не «Дакота», а более крупный, четырёхмоторный.

И он медленно снижался.

Не успел я опустить бинокль, как от того ангара, где должны были находиться наши клиенты, в небо взлетела зелёная ракета. Всё-то у них, сук, продумано...

С борта самолёта в ответ дали красную ракету. Затем аппарат лёг в левый разворот, пилоты явно высматривали полосу, собираясь садиться.

– Это как? – безмерно удивилась Клава. – Если рейсовый самолёт пошёл на Париж, то это-то что такое?

– А обдурили всех, но довольно не талантливо. Два самолёта, идущие в очень плотном порядке, да ещё и на небольшой высоте, на экране радара вполне могут выглядеть как один. Видимо, они вот так, парой, и шли от самого Лиссабона. Потом разделились: один ушёл на малую высоту и собирается сесть, а второй, под который и маскировался первый, полетел себе штатно, на Париж...

При этом я чуть было не ляпнул «уточнение» насчёт того, что, мол, «в начале 1960-х радары были ещё довольно примитивные и далеко не всегда могли отличить одиночную цель от групповой». Меня бы точно не поняли...

– А военные? – спросила Клаудия.

– А что военные? Думаю, что пока они поймут и разберутся, что к чему, наши клиенты вполне успеют улететь...

– Да, дорогостоящее удовольствие они устроили, но это их дело, – сказала Клава, оценивая разглядывая разворачивающийся в небе самолёт, и отдала своим стоявшим поодаль ребятишкам какие-то распоряжения на французском, из которых я мало что понял. Кажется, она ещё раз объяснила им про то, где находятся интересующие нас личности и что брать их желательно живыми. На физиономиях её бойцов при этом обозначилась некоторая боеготовность...

– Ты бы всё-таки предупредила жандармов и прочие спецслужбы, – посоветовал я Клаудии.

– Им надо по телефону звонить, – сказала она, привычным движением дослав патрон в ствол. – А здесь его, как видишь, нет. Надо до ближайшей деревни или бензоколонки ехать. У нас нет на это времени, да и не стоит впутывать в это полицию...

В глазах Клавы в этот момент появилось какое-то нехорошее и, я бы даже сказал, пугающее выражение. Этаким охотничий азарт. Неужто наша дорогая бандерша хочет не только нужного человечка скрутить, но ещё и самолёт захватить, с пленными в придачу? Ну-ну, мечтать не вредно...

– Дорогуша, – сказал я ей на всякий случай. – Ты всё-таки хорошо подумай, ведь в этот самолёт полсотни хорошо вооружённых рыл точно влезет. А против взвода автоматчиков вы будете иметь весьма бледный вид...

– Справимся, – отмахнулась она, проигнорировав «дорогушу», эпитет, при произнесении которого мной обычно ругалась последними словами. – Да, а ты останься на месте с Пьером и жди развязки. И раньше времени не высывайся...

– Ребята, за мной! – скомандовала Клава без паузы, уже по-французски.

– Стой! – тормознул я её наступательный порыв. – Багажник-то открой!

Она открыла, ухмыльнулась и, держа пистолет в опущенной руке, пошла вслед за своими пятью парнишками, которые в этот момент двинулись цепочкой в сторону ангара. Зрелище было прямо-таки в стиле то ли гангстерских фильмов, то ли спагетти-вестернов. Только воору-

жённая женщина в приталенном красновато-коричневом костюмчике и короткой юбке была явно лишней на фоне рослых жлобов в костюмах и надвинутых на глаза шляпах.

При этом было видно, что разгуливать на каблуках по траве Клаве было не особо-то комфортно. Но тем не менее смотрелась она очень эффектно, даже со спины. Женщины с оружием – это вообще сильный фетиш...

По-моему, с кружившего над нашими головами самолёта их движение вполне могли рассмотреть, но наши клиенты то ли были к этому готовы, то ли уже вообще ни хрена не боялись.

– Моего человечка живым, остальных можете валить, они меня не волнуют! – крикнул я ей вслед, в порядке напоминания.

– Хорошо! – ответила Клаудия, обернувшись и обворожительно улыбнувшись.

А самолёт шёл уже практически на бреющем. На следующем круге пилот выпустил шасси и закрылки и начал заходить на посадку. Справа налево, прямо перед нами.

Через пару минут аппарат уже катился по здешней, сильно заросшей травой ВПП, поднимая винтами тучи пыли.

Вроде бы перед нами был четырёхмоторный DC-4, один из стандартных западных самолётов такого класса 1950-х годов. Однако, присмотревшись чуть внимательнее, я понял – нет, грузовая фюзеляжная дверь широкая, всё-таки это был C-54, военно-транспортный вариант. Аппарат имел типичную для гражданского самолёта серебристо-белую окраску. На фюзеляже ясно просматривалась маркировка авиакомпании «TAP Portugal» – крупные красные буквы «TAP» перед килем и красные полосы. А вот никаких номеров или регистрационных кодов на нём не было. Конспираторы хреновы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.